

Алексей Ракитин

ИСТОРИЯ БОСТОНСКОГО ДУШИТЕЛЯ

Хроника подлинного расследования.
Книга I

Алексей Ракитин

**История бостонского
душителя. Хроника подлинного
расследования. Книга I**

«Издательские решения»

Ракитин А.

История бостонского душителя. Хроника подлинного расследования. Книга I / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967559-0

В начале 1960-х гг. американский город Бостон и его пригороды были потрясены серией жестоких убийств, жертвами которых становились женщины всех возрастов. Таинственный убийца вошёл в мировую историю сыска и криминалистики под прозвищем «Бостонский душитель». В настоящей книге проводится анализ известных преступлений, изложен ход расследования, рассмотрены персоналии подозреваемых. Автором привлечен большой объём малоизвестной информации, на основании которой сделаны весьма неожиданные выводы.

ISBN 978-5-44-967559-0

© Ракитин А.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. Странное лето 1962 года	6
14 июня 1962 г. Убийство Анны Слесерс	6
30 июня 1962 г. Убийство Нины Николс	18
2 июля 1962 г. Убийство Хелен Блэйк	26
11 июля 1962 г. Убийство Маргарет Дэвис	33
21 августа 1962 г. Убийство Иды Ирги	38
22 августа 1962 г. Рождение легенды	44
31 августа 1962 г. Убийство Джейн Салливан	47
Часть II. Криминальное макраме: петли, зигзаги, непонятный рисунок...	52
Персональная война Эдмунда МакНамары	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

История бостонского душителя Хроника подлинного расследования. Книга I

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-4496-7559-0 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-7560-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Странное лето 1962 года

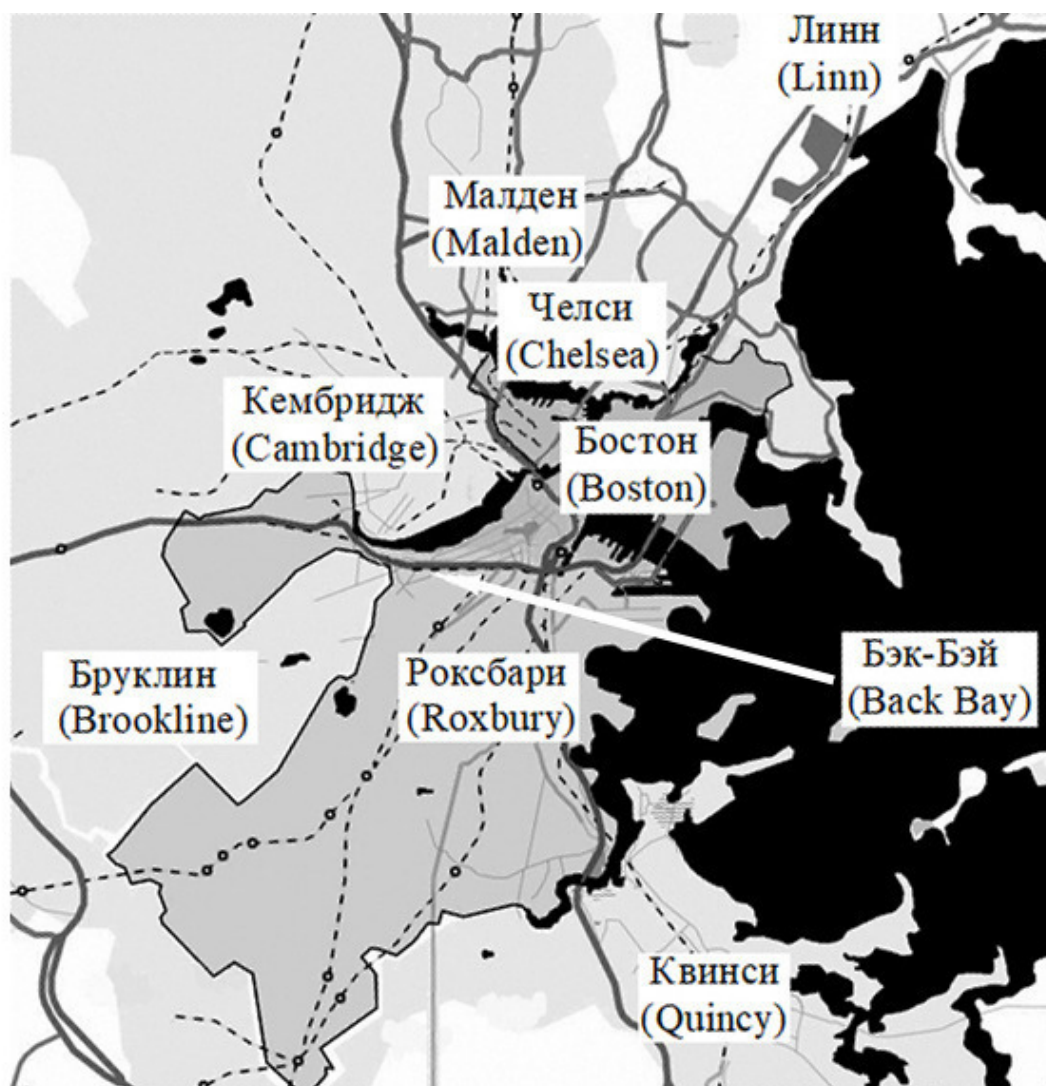
14 июня 1962 г. Убийство Анны Слесерс

Июнь 1962 г. в Бостоне, крупнейшем городе штата Массачусетс, расположенном на Атлантическом побережье США, выдался тёплым, но пасмурным. В небе постоянно собирались тучи, готовые пролиться дождём, который, как казалось, должен принести свежесть и облегчение. Ожидания эти, однако, не оправдывались, короткие ночные дожди не помогали, и город целыми днями оставался во власти одуряющей влажной духоты. Температура уверенно поднималась с первых дней июня, суля ненормально жаркое лето.

Такая погода заставляла тяжело страдать людей с заболеваниями органов дыхания и болезнями сердца. А ещё она лишала покоя людей с расстройствами психической деятельности. Сейчас уже хорошо известна корреляция между активностью сексуальных преступников и погодными аномалиями, но в начале 1960-х гг. никому и в голову не приходило считать насильников и извращенцев метеозависимыми.

Около 19 часов 14 июня Юрис Слесерс (Juris Slesers) вошёл в дом №77 по Гейнсборо-стрит (Gainsborough street) в бостонском районе Бэк-Бэй (Back Bay) и поднялся на третий этаж, где постучал в дверь квартиры 3F. В этой квартире проживала его мать, 56-летняя Анна Слесерс (Anna Slesers), и сын зашёл за ней, чтобы вместе отправиться на церковную службу.

Поскольку Юрису никто не открыл, тот спустился вниз и прождал в холле около 10 минут. Анна работала швеёй в магазине верхней одежды неподалёку, подгоняла под покупателей костюмы и платья, и иногда её вызывали на работу телефонным звонком в неурочный час. Сетовать на это не приходилось, поскольку работа находилась неподалёку от дома, не требовала затрат на транспорт да и платили Анне 60\$ в неделю – весьма достойный заработок по ценам тех лет.

Обобщенная схема Бостонской агломерации. Город Бостон окружен целым поясом городов-спутников, плавно переходящим один в другой, в результате чего территория непрерывной застройки тянется на десятки километров с севера на юг и с востока на запад. Приведенная схема показывает взаимное расположение основных городов и районов, названия которых не раз будут упоминаться в настоящей книге. Это прежде всего сам Бостон и его районы Бэк-Бэй и Роксбери (территория его выделена серым цветом, сплошной линией показана городская граница), а также города-спутники Линн и Малден на севере; Кембридж и Бруклин – западнее, а Квинси – юго-восточнее Бостона. Расстояние от Линна до Квинси по прямой составляет примерно 25 км. Пунктиром показаны основные железнодорожные магистрали, сплошными – крупные автотрассы. Агломерация т. н. Большого Бостона в начале 1960-х гг включала в себя почти 80 муниципалитетов и располагалась на территории 3 округов, число её жителей превышало 5 млн. человек, что соответствовало населению такого города, как Ленинград. Хотя полицейские силы в целом можно охарактеризовать как многочисленные, профессиональные, укомплектованные и хорошо оснащенные, их раздробленность и обособленность самым негативным образом сказывались на результатах работы. Об этом в настоящей книге придётся вспоминать не раз.

Примерно в 19:10 Юрис вторично поднялся на третий этаж и снова постучал в дверь квартиры 3F, сугубо на тот случай, если мама выходила на минуту к соседям и теперь возвратилась. Но ему опять никто не открыл... Это было до некоторой степени странно, поскольку

служба в евангелистской церкви, на которую собирались отправиться Анна и Юрис, была для них очень важна. Латышская община Бостона – а Слесерсы были латышами – в середине июня традиционно проводила службы, посвященные памяти жертв «советской агрессии и ГУЛАГа». 17 июня 1940 г. советские войска вошли на территорию буржуазной Латвии, и эта дата сделалась своеобразным днём траура для латышских общин по всему миру. У Слесерсов, переехавших в США в 1951 г., имелся немалый список личных претензий к Советской власти, а потому пропустить церковную службу Анна и Юрис никак не могли.

То, что мама отсутствовала и не оставила никакой записки, вызвало теперь у Юриса беспокойство. Он спустился в фойе, вышел на улицу, постоял минуту или две на тротуаре. Затем он догадался заглянуть в почтовый ящик, чтобы проверить, забирала ли мама почту? В ящике Юрис увидел конверты со счетами и несколько рекламных буклетов – это означало, что мама не проходила мимо ящика с самого утра или даже с предыдущего вечера. Стало быть, она должна находиться в квартире, поскольку жила очень уединенно и не уходила надолго...

Сдерживая накотившую панику, Юрис в третий раз побежал вверх. Опять постучав в дверь и опять не получив ответа, Юрис надавил на неё плечом. Дверь немного подалась, и Юрис понял, что её можно без особых проблем выбить, для этого надо лишь как следует разбежаться. С первого же удара дверь распахнулась настежь, опрокинув стул, стоявший позади неё...

В квартире было темно. Юрис прошёл сначала с гостиную, потом в спальню. Матери нигде не было видно, однако ящики прикроватной тумбочки были выдвинуты, что выглядело странно. Очень странным казалось и то, что у входной двери был поставлен стул – мама так никогда не делала, и никакого смысла в этом не было. По крайней мере, так казалось на первый взгляд.

Лишь войдя в маленький коридорчик перед ванной, расположенный от входной двери направо, Юрис обнаружил тело матери, лежавшее на полу. Анна была облачена в свой синий халат с красной подкладкой, вокруг шеи был туго затянут его пояс. Халат распахнулся, обнажив грудь и живот, но выглядело это так, словно полы раздвинулись при падении тела. Левая нога была вытянута, а правая – отведена вбок под углом в сорок пять градусов и согнута в колене.

Юрис сразу понял, что мать мертва и не прикасался к телу. Сын посчитал, что женщина покончила с собою, повесившись на ручке двери в ванную комнату, но после того, как петля затянулась, и тело обмякло, пояс соскочил, и Анна упала в проход.

Юрис снял телефонную трубку и позвонил в полицию с сообщением о самоубийстве матери – это очень важный момент, который обычно не упоминается даже в англоязычных книгах и фильмах, посвященных рассматриваемой нами истории. Первый полицейский патруль появился в квартире 3F лишь в 19:49 – это были полицейские Джойс (Joyce) и Бенсон (Benson). Они считали, что едут на место суицида, и точно также считали детективы и криминалисты, приехавшие позже. Это ошибочное суждение подействовало на представителей власти до некоторой степени расхолаживающе, поскольку поначалу они считали, что их явка не более чем формальность.

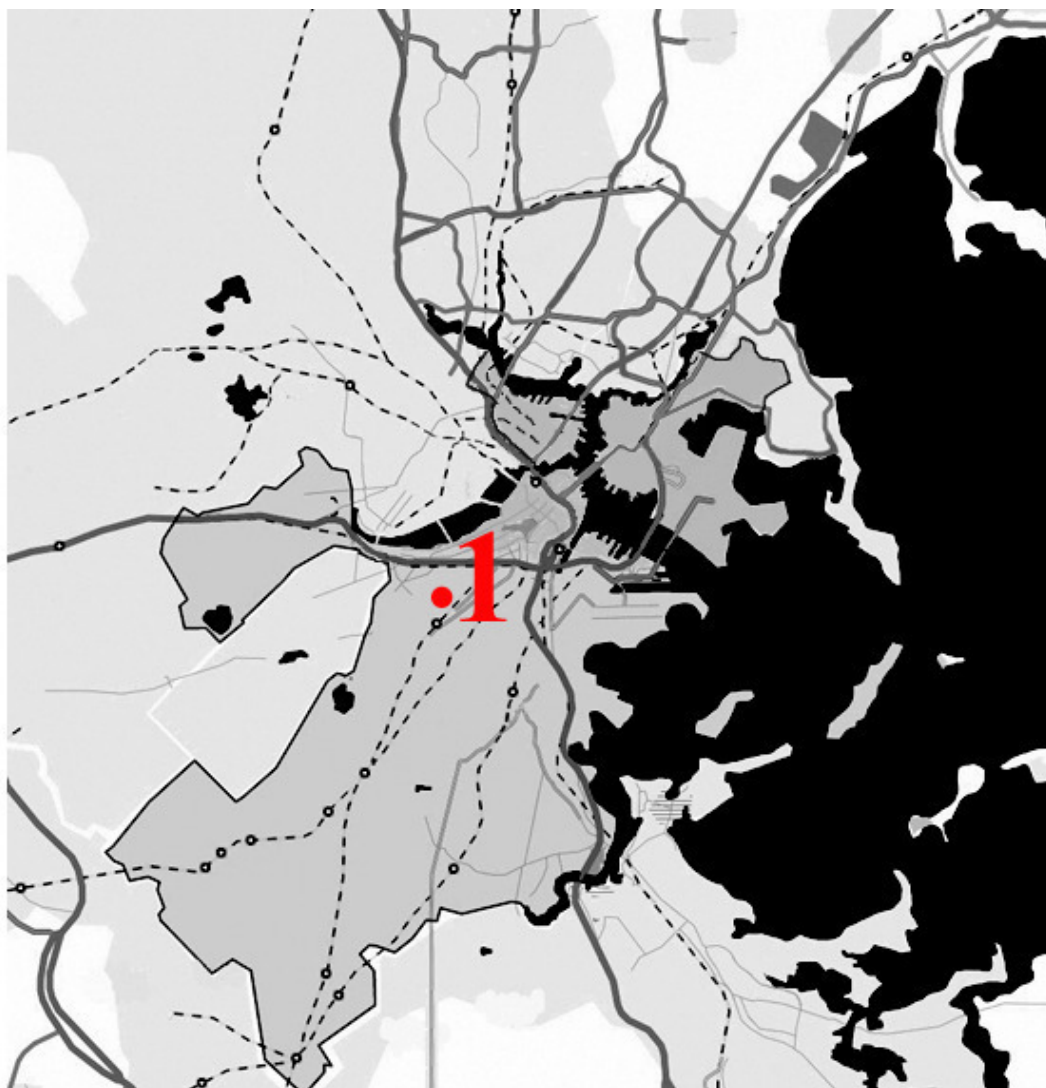
Когда в начале девятого часа в квартире появились сотрудники отдела расследования убийств сержант Джон Дрисколл (John Driscoll) и детектив Джеймс Меллон (James Mellon), находившийся на месте происшествия фотограф встретил их репликой: «Зря только приехали – это самоубийство». Правоохранителям потребовалось некоторое время, чтобы понять: смерть Анны Слесерс явилась следствием чьего-то злого умысла, а отнюдь не суицидом.

Узел на шее находился спереди, под нижней челюстью слева – при самоповешении узел обычно оказывается за ухом или на затылке. Под головой мёртвой женщины натекла кровь. Её можно было бы списать на повреждение кожи головы при ударе об пол, но фактическое место повреждения кожного покрова, давшее кровотечение, совсем не совпадало с местом контакта

головы и пола. Рана эта, находившаяся в волосистой части головы, выглядела довольно странной, непонятно было, чем можно было её нанести, в коридорчике перед ванной просто не было подходящих предметов! Наконец, кровь оказалась в правом ухе, что вообще не соответствовало картине самоубийства. Среди признаков самоповешения нет кровотечения из слуховых проходов... Мусорная корзина на кухне оказалась перевернута, а мусор равномерно разложен на полу, словно его пересматривали с целью что-то отыскать. Кроме того, на кухне оказалось небольшое кровавое пятно, частично размазанное. Если женщина вешалась на дверной ручке в коридоре, то как кровь могла оказаться на полу в кухне? И наконец, отсутствовала предсмертная записка – самоубийцы таковые пишут если и не всегда, то довольно часто, причём женщины это делают чаще мужчин.

Детективы довольно быстро заподозрили неладное и пригласили на место происшествия своего начальника, лейтенанта Джона Донована (John Donovan), возглавлявшего Отдел расследования убийств Департамента полиции Бостона (Boston Police Department, сокращенно BPD – в дальнейшем мы будем иногда пользоваться этой аббревиатурой). Сообщение о том, что в дом №77 по Гейнсборо-стрит направляется начальник «убойного» отдела, вызвало среди присутствовавших в квартире полицейских ухмылки и комментарии в том духе, что вам, ребята, похоже, совсем заняться нечем. Один из полицейских даже предложил пари детективу Дрисколлу на 5\$, что смерть Анны Слесерс окажется самоубийством, и начальник отдела вызван почём зря.

Донован, однако, осмотрев место происшествия, согласился с аргументацией Дрисколла и Меллона и приказал им действовать исходя из того, что в квартире 3F имело место убийство.

Место убийство Анны Слесерс в доме №77 по Гейнсборо-стрит на карте Бостона. Жертва проживала в районе Бэк-Бэй, считавшимся в начале 1960-х гг относительно безопасным. Тем не менее, в этой части Бостона сдавалось дешёвое жильё и селились разного рода подозрительные личности. По этой причине проверка ближайшего окружения убитой женщины, её соседей и знакомых, сделалась первоочередной задачей расследования.

Первым, на кого пало подозрение детективов, оказался... Юрис Слесерс. Об этой детали читатель, скорее всего, не найдёт упоминаний в англоязычных источниках – она опускается авторами как малозначительная. А между тем, упомянуть о ней имеет смысл, поскольку она хорошо иллюстрирует ту растерянность и непонимание произошедшего, что сопровождали работу детективов на начальном этапе.

Логика Дрисколла и Меллона на первый взгляд выглядела обоснованной. Ну, в самом деле, почему Юрис Слесерс, увидев обнаженный труп матери, не прикрыл его? Юрис был религиозен и ему ли не знать о «грехе библейского Хама», не скрывшего позор отца? В самом общем смысле «грех Хама» – это сыновья непочтительность к отцу и матери. Почему Юрис оставил тело непристойно открытым, даже полый халата не прикрыл?

Другой интересный момент касался довольно интимной и неочевидной детали. Вставные челюсти умершей женщины находились в стакане с водой, стоявшем на умывальнике в ванной. Анна производила впечатление очень ухоженной женщины – хорошая кожа, маникюр,

короткая модная стрижка... Она следила за собой и выглядела младше своих лет. Как такая женщина могла открыть дверь незнакомому человеку, не вставив челюсти?

Ещё одна странность касалась имитации ограбления. Преступник постарался сделать так, чтобы квартира Слесерс выглядела обысканной, однако, на самом деле ничего ценного не похитил. Даже вещи, лежавшие на виду, например, золотые часики Анны, оставленные владелицей на стеклянной полочке в ванной комнате. Их нельзя было не заметить! Тем не менее, преступник проигнорировал дорогую вещь, как и украшения из шкатулки, стоявшей на прикроватной тумбочке. Три ящика в тумбочке были выдвинуты, а шкатулка осталась стоять закрытой, словно преступник её не заметил, что выглядело совершенно невероятным. В том случае, если Юрис действительно убил мать, имитация ограбления легко объяснима!

Наконец, Юрис оказался тем человеком, кто обнаружил тело. К таким людям всегда следует присматриваться – это аксиома сыскной работы – поскольку довольно часто убийцы, особенно действующие спонтанно и близкие жертве, первыми сообщают о произошедшем. Причины для такого поведения может быть несколько, причём они могут быть совершенно разного плана, вряд ли имеет смысл углубляться сейчас в их анализ, но важно отметить, что отмеченный феномен действительно существует. А потому подозрения в отношении Юриса Слесерса появились не в силу профессиональной паранойи, свойственной многим детективам, а явились следствием здравого смысла и полицейского опыта.

Юрис после предварительной беседы на месте преступления был увезен в участок и там подвергнут продолжительному допросу.

На следующий день – 15 июня – была допрошена Майя, младшая сестра Юриса, приехавшая в Бостон из штата Мэриленд, где она проживала с мужем последние два года. Сестра дала показания во всём совпадавшие с информацией, полученной от Юриса, так что историю семьи Слесерс можно было считать восстановленной с достаточной для следствия полнотой.

Анна закончила университет, по образованию была биолог, занималась селекционной работой, вышла замуж, в годы Второй Мировой войны вместе с детьми – Юрисом и Майей – попала в лагерь перемещенных лиц на территории Германии. Там её пути с мужем разошлись, и в дальнейшем они не виделись почти 20 лет. В конце концов, Анна с детьми переехала из голодной разрушенной войной Европы в США, поселилась в Бостоне. Майя в 1959 г. вышла замуж и уехала в штат Мэриленд, а Юрис остался жить с матерью в одной квартире. Мать и сын разъехались лишь 1 июня 1962 г., т.е. буквально за две недели до гибели Анны! Отношения между матерью и сыном всё время оставались очень сердечными, между ними никогда не бывало размолвок.

Бывший муж Анны был обнаружен в Канаде, там у него была новая семья. По просьбе американских правоохранителей он был допрошен детективами Королевской Канадской Конной полиции, и его показания должным образом были проверены. В результате удалось установить его полное alibi. Да и мотива для расправы над своей бывшей супругой он не имел ни малейшего...

На допросе Юрис Слесерс вёл себя довольно странно и отвечал не так, как, по мнению полицейских, отвечать следовало бы. Спустя много лет сержант Дрисколл вспоминал в одном из интервью, что даже над простейшими вопросами Юрис подолгу раздумывал, и иногда казалось, что он не понимает сказанного ему. Хотя на самом деле это было совсем не так, Юрис прекрасно говорил по-английски.

Трудно сказать, как далеко могли бы зайти детективы в своих подозрениях, но Юрису неожиданно помогли обстоятельства, о которых тот даже не догадывался.

Опрос жильцов дома позволил полиции отыскать ценных свидетелей, один из которых жил прямо под квартирой 3F, а другой – над нею. Оба они вечером 14 июня находились дома и имели возможность слышать странные звуки, доносившиеся с места преступления. Причём, в описании звуков оба свидетеля затруднились: один из них сравнил их со звуками передви-

гаемой мебели, а второй – с топотом ног плохо танцующих людей. Понятно, что свидетели имели в виду довольно необычные звуки. Что важно отметить – свидетели не слышали криков, собственно, именно это обстоятельство и удержало их от вмешательства в происходившее.

Юрис Слесерс. Фотография сделана спустя сутки со времени убийства его матери, на ней запечатлён Юрис, направляющийся на допрос в здание Департамента полиции. Юрис провёлся на возможную причастность к убийству матери, но полицейские быстро поняли, что смотрят не в ту сторону. Публично ни о каких подозрениях в адрес молодого мужчины никогда не заявлялось.

Сосед снизу был врачом, которому надо было хорошо выспаться перед ночной сменой, и шум наверху его разбудил. Мужчина был чрезвычайно раздражен тем, что ему не дают отдохнуть, и был готов устроить скандал. Если бы наверху раздался хоть один крик, он бы непременно вызвал полицейский патруль и предоставил бы шумным соседям разбираться с правоохранителями, но... обошлось без криков!

Оба соседа указали точное время, когда из квартиры 3F начали доноситься странные звуки. По их словам это произошло в 18:10, подозрительная активность продолжалась не более 10 мин, а на самом деле гораздо меньше. Если считать, что Анну Слесерс убили в интервале 18:10 – 18:20, то получалось, что Юрис к преступлению не причастен, поскольку полиция отыскала свидетелей, видевших его в это время и даже разговаривавших с ним в 5 км от места убийства.

Сосед снизу, кстати, подтвердил рассказ Юриса о времени появления последнего в доме №77. Около 19 часов сосед слышал громкий стук в дверь, затем послышались шаги спускавшегося по лестнице человека, после чего худощавый мужчина в очках – это был Юрис! – некоторое время прогуливался под окнами. Сосед хорошо рассмотрел его в окно и без всяких затруднений опознал.

Помимо этих показаний, существовало ещё одно соображение, снимавшее с сына подозрения. Речь идёт о работающем в квартире 3F музыкальном проигрывателе. Когда на месте преступления появились полицейские, они не сразу обратили внимание на то, что проигрыватель включён, на нём установлен виниловый диск с оперой «Тристан и Изольда» Вагнера, звукозаписывающий аппарат находится в крайнем положении (т.е. воспроизведение музыки окончено),

но звуков из динамиков не слышно. Когда же на работающее устройство обратили, наконец, внимание, оказалось, что тумблер его выключения неисправен, а регулятор громкости повернут в нулевое положение.

Юрис пояснил, что тумблер «включения – выключения» давно вышел из строя, и по просьбе матери он смонтировал скрытую кнопку на задней стенке проигрывателя, посредством которой его можно было включить и выключить. Преступник, очевидно, ничего о кнопке не знал, но испытывал потребность избавиться от мешавших ему звуков музыки, поэтому он попросту вывернул регулятор громкости в положение «ноль». Казалось довольно очевидным, что Юрис сумел бы решить эту задачу правильно, а стало быть, с проигрывателем возился кто-то другой.

Что показало судебно-медицинское исследование тела Анны Слесерс?

Прежде всего, женщина была крепко побита. В волосистой части головы, в теменной области слева имелась рваная рана размером 2 см * 1,5 см, давшая обильное кровотечение. Оказалась повреждена правая барабанная перепонка, на подбородке слева кровоподтёк и осаднение кожи размером 1 см * 1 см. Помимо этого присутствовали потёртости кожи на шее, но это были не самостоятельные повреждения – они появились как следствие скольжения пояса халата при его затягивании во время душения.

Отмечались прижизненные повреждения слизистых оболочек влагалища, которые могли явиться как следствием изнасилования, так и введения какого-либо инородного предмета вроде бутылки, рукояти швабры и пр. Судмедэксперт затруднился ответить на вопрос, осуществлял ли преступник половой акт с жертвой – спермы не было найдено ни в полостях, ни на теле убитой женщины. Тем не менее, ввиду специфических повреждений вагины сексуальный мотив убийцы особых сомнений не вызывал.

Что явилось причиной смерти? В этой части особых сомнений у судебных медиков не возникло – Анна Слесерс была задушена посредством затягивания петли на шее, т.е. истинная причина хорошо коррелировалась с картиной, увиденной полицейскими на месте преступления. Тело было найдено с пояском халата на шее, однако судмедэксперт предположил, что первоначально для душения жертвы использовался отнюдь не пояс, а нечто иное. Лишь после того, как Анна потеряла сознание, преступник воспользовался пояском.

Судебные медики не обнаружили свидетельств борьбы убитой женщины с нападавшим. На теле отсутствовали защитные ранения, подногтевое содержимое не имело крови и частиц кожи. Это наводило на мысль о быстром и жестоком нападении, не оставившем женщине возможностей для активной защиты.

В целом, картина произошедшего после 18 часов 14 июня в квартире 3F получалась довольно противоречивой. Больше всего сбивало с толку то, что женщина не издала ни единого крика: полное молчание жертвы можно было объяснить только тем, что преступник затянул на её шее петлю в первые же секунды нападения. Точнее говоря, нападение началось именно с затягивания петли, удары по голове явно последовали после этого. Значительное по площади осаднение кожи могло явиться следствием сильного удара о какой-то предмет окружающей обстановки, скажем, об угол стола, однако на мебели и стенах крови не оказалось. Это заставляло думать, что по голове Анны Слесерс был нанесён ударом чем-то вроде дубинки или кастета – этот предмет преступник принёс и унёс с собою. В пользу наличия у преступника небольшой дубинки свидетельствовали и повреждения влагалища жертвы – дубинка в руках злоумышленника вполне могла стать импровизированным фаллоимитатором.

Требовало какого-то объяснения странная инсталляция со стулом перед входной дверью, устроенная неизвестным убийцей. Стул не позволял беззвучно открыть дверь и явно оказался на своём месте не случайно. Причём он мешал самому же преступнику, которому пришлось выходить, протискиваясь мимо него боком. Для чего же убийца делал то, что делал?

Полицейские так и не пришли к единому мнению на сей счёт. Скорее всего, стул был поставлен возле двери для того, чтобы звуком падения предупредить преступника о появлении в квартире постороннего человека.

Анна Эльза Лейнис Слесерс (Anna Elsa Lejins Slesers) была убита вечером 14 июня 1962 г в своей небольшой квартире на третьем этаже в доме №77 по Гейнсборо-стрит в Бостоне. Этот район считался в те годы тихим и относительно безопасным. Анна вела замкнутый образ жизни, все её развлечения сводились к посещению концертов классической музыки и церковных служб. Строгая и благочестивая женщина более полутора десятилетий не поддерживала отношений с мужчинами. Первая головоломка, с которой пришлось разбираться детективам, сводилась к вопросу: как убийца вообще узнал о существовании Анны? Или же он действовал наобум и ему всё равно было кого убивать?

Но это предположение означало, что преступник знал о скором визите Юриса.. Сам Юрис, отвечая на вопрос о выборе времени его приезда к матери, сообщил, что время это назначила сама Анна: сначала она хотела, чтобы Юрис приехал к 18 часам, и лишь накануне вечером передвинула время встречи на час позже. Юрис клялся, что никому не говорил о своих планах появиться в 7 часов вечера в квартире матери на Гейнсборо-стрит. Стало быть, если преступник и узнал о возможном приезде сына, то, скорее всего, ему об этом сказала... сама Анна Слесерс!

Предположение казалось абсурдным, но лишь на первый взгляд. Если преступник располагал ключом от двери или набором хороших отмычек, то картина преступления приобретала вид довольно логичный и почти непротиворечивый.

Итак, около 6 вечера 14 июня Анна Слесерс готовилась отправиться в церковь: она открыла воду, намереваясь принять ванну (уровень воды на момент прибытия полиции составил около 15 см), разделась, набросила на голое тело синий халат с красной подкладкой, вставные челюсти положила в стакан с водою... Женщина ходила по квартире, возможно, сидела в кресле, слушая любимую оперу Вагнера. Музыка играла негромко, во всяком случае, упоминавшийся ранее сосед снизу не жаловался на то, что музыка мешала ему спать, в отличие от странных звуков, разбудивших его в 18:10. Преступник беззвучно открыл входную дверь и, должно быть, немало удивился, столкнувшись с хозяйкой квартиры нос к носу. Вполне веро-

ятно, что изначально в его планы входило обычное ограбление, и лишь стечение обстоятельств изменило его намерения.

По-видимому, преступник был достаточно профессионален и оказался готов ко встрече с квартиранткой. Он заговорил с Анной и был достаточно убедителен, по крайней мере, поначалу. Возможно, он вручил женщине свою визитку, представившись водопроводчиком или электриком, присланным домовладельцем для срочного ремонта... Во всяком случае, предположение о том, что преступник передал будущей жертве нечто, что потом забрал, объясняло, почему мусорная корзина на кухне оказалась перевернутой, а мусор разложен на полу... Преступник искал некий предмет, который мог его изобличить. Как бы там ни было, злоумышленник более или менее логично объяснил своё появление в квартире, возможно, сказал, что входная дверь была не заперта, либо он открыл её ключом, полученным от домовладельца... В общем, выдумал что-то, что до поры успокоило женщину. Именно поэтому Анна и не кричала, когда имела такую возможность.

В ходе короткого разговора женщина сообщила, что ждёт скорого появления сына, именно поэтому злоумышленник опасался появления нового действующего лица. Тем не менее, его возбуждение оказалось столь велико, что он не отказался от спонтанно возникшего замысла изнасиловать и убить женщину. Стремительность и безжалостность его нападения свидетельствовали о том, что преступник изначально ставил перед собой задачу не оставлять жертву живой. Очевидно, к реализации умысла преступник приступил на кухне – там он набросил на шею женщины некую удавку, лишившую её способности кричать, бросил тело на пол и нанёс первый удар в голову дубинкой. Позже, после того, как Анна потеряла сознание, преступник волоком перетащил тело в узкий коридорчик перед ванной, снял с шеи свою удавку и набросил вместо неё поясок халата. Возможно, преступник дожидался возвращения к жертве сознания и повторял душение несколько раз. Во время своих игр с удавкой насильник мог осуществлять с женщиной половой акт, а мог заниматься онанизмом – обе эти формы сексуальной активности встречаются у «душителей» примерно с одинаковой частотой, выбор одной из них зависит сугубо от личностных предпочтений преступника. «Душители», в отличие от тех сексуальных преступников, кто пользуется ножом, имеют хорошую потенцию и вполне способны к полноценному половому акту, поэтому отсутствие на месте убийства Анны Слесерс спермы свидетельствовало скорее о причудах «сексуальной игры» преступника, нежели о его физиологической немощи. Помимо душения, преступник мог вводить во влагалище жертвы дубинку или иной предмет – эти манипуляции являлись элементом его сексуальной фантазии, которую он реализовывал в процессе нападения. Описанные действия были прижизненны, что свидетельствовало о растянутом во времени процессе умерщвления жертвы.

Скорее всего, именно на этом этапе, т.е. во время «сексуальной игры», преступник и поставил перед входной дверью стул. Тем самым он устранил угрозу внезапного появления сына на месте преступления. Преступник не знал, имелся ли у сына ключ, но даже если и имелся, то беззвучно проникнуть в квартиру Юрис всё равно не смог бы...

Уже после умерщвления Анны Слесерс преступник провёл беглый осмотр её квартиры, призванный скорее замаскировать истинный мотив преступления, нежели обнаружить ценные вещи. Впрочем, по словам Юриса, пропали деньги на покупку продуктов, которые его мать обычно хранила на кухне, но сумма эта не могла быть большой – долларов 20—30, вряд ли больше. Преступник имел возможность унести из квартиры убитой женщины куда больше, но он ограничился незначительной суммой наличности.

Как видим, описанная выше последовательность событий довольно условна и грешит большим числом разного рода оговорок. Ещё раз повторим, детективы не сумели в точности восстановить картину случившегося в квартире 3F, о многих важных деталях произошедшей там драмы они могли судить лишь предположительно.

Объективности ради следует признать, что люди лейтенанта Донована в своих попытках разобраться в произошедшем проявили немалое упорство. В течение десятка дней было допрошено более 60 человек, способных в той или иной степени пролить свет на обстоятельства жизни Анны Слесерс. Речь идёт о её близких, коллегах по работе, соседях, прихожанах церковной общины, был даже найден её бывший муж, о котором сын и дочь ничего не знали на протяжении многих лет. Разумеется, детективов интересовал ответ на вопрос о деталях интимной жизни убитой женщины, поскольку любовник или любовники автоматически попадали в число приоритетных подозреваемых. Однако никакой интриги это направление расследования не принесло: выяснилось, что никакой сексуальной жизни у Анны на протяжении многих лет не было. Вплоть до 1 июня она проживала вместе с сыном, и скрыть от него данное обстоятельство никак не смогла бы. Юрис первым заявил, что его мать жила как монашка, главными увлечениями её жизни являлись шитьё и классическая музыка. Кстати, подобное утверждение лишний раз доказывало непричастность сына к гибели матери – если бы он как-то оказался замешан в преступлении, то наверняка попытался бы создать видимость существования у Анны сексуального партнёра.

Слова Юриса получили полное подтверждение после допросов его сестры и лиц, хорошо знавших Анну.

Данный факт подводил следствие к выводу о нападении на женщину человека либо ей совершенно незнакомого, либо знакомого шапочно. В круг таковых, очевидно, попадали соседи Анны Слесерс по дому – они имели возможность её видеть, составить представление об образе жизни и познакомиться. Кроме того, живущий рядом и отчасти знакомый человек всегда имеет возможность обратиться под благовидным предлогом и даже попасть в квартиру, не вызывая особых подозрений в свой адрес. Дом №77 по Гейнсборо-стрит хотя и имел весьма respectable фасад из красного английского кирпича, на самом деле относился в начале 1960-х гг. к жилью нижней ценовой категории. Квартирки в нём были очень небольшими и дешёвыми, публика в них проживала соответствующая. Среди жильцов были и безработные, и бывшие тюремные сидельцы, так что к обитателям дома №77 следовало присмотреться внимательнее.

Именно эта логика привела следствие к обнаружению первого и единственного серьёзного подозреваемого, если, разумеется, не считать Юриса Слесерса. В доме проживал судимый прежде мужчина, которого в 1959 и 1961 гг. две женщины независимо друг от друга обвинили в мошенничестве. Преступления, совершенные этим человеком, оказались довольно специфичны – они относились к категории т.н. «брачных афёр». Мужчина через журнал знакомств находил одиноких женщин, заинтересованных в серьёзных продолжительных отношениях, в процессе переписки располагал их к себе и приглашал в Бостон якобы для постоянного проживания вместе. В скором времени – буквально через неделю или две после приезда дамы – он под надуманным предлогом устраивал ей сцену и заявлял о страшном разочаровании и разрыве отношений. Уже после этого женщины обнаруживали исчезновение денег и некоторых украшений. Хотя полиция знала лишь о двух случаях такого рода, мало кто сомневался в том, что аферист сумел обмануть много больше женщин. Не следует забывать о специфике тех довольно патриархальных времён, когда женщины были скованы многочисленными условностями и попросту стыдились признать себя жертвой брачного афериста.

Гипотетически можно было допустить, что мошенник попытался разыграть свой излюбленный сценарий и с Анной Слесерс, но никаких тому доказательств найти не удалось. Никто не видел подозреваемого с убитой, его отпечатков пальцев не оказалось на месте совершения преступления, сам он категорически отрицал знакомство с женщиной, и в этом ему вторил сын убитой. Прежде этот человек не совершал насильственных преступлений и хотя он являлся, безусловно, аморальным субъектом, сие не делало его виновным в жестоком убийстве.

В общем, расследование убийства в доме №77 не дало никаких видимых результатов – никто не был арестован, фамилию предполагаемого преступника правоохранные органы назвать не сумели.

Впрочем, одно следствие данный трагический эпизод всё же имел. На следующий день после убийства Анны Слесерс – 15 июня 1962 г. – местная газета «Boston traveler» разместила небольшую заметку, посвященную преступлению. Она содержала мало фактической информации, и эту публикацию вряд ли имело бы смысл сейчас упоминать, если бы не одна любопытная деталь – это была первая из числа многих тысяч статей, посвященная криминальному феномену, получившему впоследствии условное обозначение «Бостонский Душитель».

30 июня 1962 г. Убийство Нины Николс

Вторая половина субботнего дня 30 июня 1962 г. выдалась одуряюще жаркой и душной. Поэтому когда сразу после 19:30 в комнате 65-летнего консьержа Томаса Брюса (Thomas Bruce) зазвонил телефон, и звонивший попросил пожилого мужчину подняться на 4-й этаж, дабы удостовериться в том, что с одним из квартирантов всё в порядке, просьба эта удовольствия Томасу не доставила. Отказать, однако, консьерж не мог, поскольку знал, что разговаривает с известным адвокатом Честером Стедманом (Chester Steadman), главой ассоциации бостонских юристов. Стедман был мужем сестры проживавшей на 4-м этаже Нины Николс (Nina Nichols), 68-летней женщины, в прошлом врачом, вдовой уважаемого адвоката. Стедман сообщил Томасу, что он и его жена Маргарита ожидали приезда Нины к 6 часам вечера, однако, та не только не приехала, но и телефонную трубку не поднимает, что сильно их беспокоит. Консьерж посмотрел в окно, из которого была видна автостоянка, и увидел голубой «бьюик», на котором Нина приехала около 17 часов.

Дело действительно казалось неладно. Вооружившись нужным ключом, консьерж покинул своё место под вентилятором и отправился в долгое путешествие к лифту. При температуре выше 90° F (т.е. более 32°C) любая физическая активность казалась изнурительной. Пока Томас Брюс добрался до нужной двери, он успел вспотеть не один раз, но он сразу же забыл про духоту, едва убедился, что хозяйка квартиры не реагирует на звонок. Всё это выглядело очень подозрительно и не сулило ничего хорошего.

Томас Брюс открыл дверь своим ключом и, не переступая порог, несколько раз крикнул в глубину полутёмной квартиры, сообщая о своём появлении. В комнатах было темно, поскольку из-за яркого солнечного света жалюзи на окнах были закрыты. Консьерж вошёл в квартиру и сразу же обратил внимание на царивший беспорядок, открытые тумбочки, выдвинутые ящики, разбросанные вещи. Несколько секунд ушли у Томаса на то, чтобы оглядеться по сторонам, наконец его взгляд упал на дверь в спальню, точнее, дверной проём в спальню. Дверь была распахнута, на полу с широко раздвинутыми ногами, обращенными к двери, лежала Нина Николс. Её короткий розовый халат был распахнут, а белый шёлковый пеньюар и бюстгалтер подняты в область подмышек. На ногах женщины находились синие теннисные туфли.

Хотя консьерж не подходил к телу, он моментально понял, что женщина мертва. Ни к чему не прикасаясь, он сразу же вышел из квартиры, не забыв запереть за собою дверь. Забыв о духоте, он бегом припустил к лифту, а спустившись вниз – к телефону.

В своём телефонном звонке в полицию Томас Брюс сразу же сообщил об убийстве, объяснив свою уверенность тем, что хотя трупа вблизи он не видел, но вся обстановка на месте происшествия убеждала его в том, что в квартире побывал чужой человек. Дом №1940 по Коммонвэлв-авеню (Commonwealth avenue), в котором проживала Нина Николс, находился в респектабельном районе Брайтон на западе Бостона – место это считалось тихим и безопасным. Убитая до выхода на пенсию в 1959 г. работала главным врачом в крупной больнице, всё это в совокупности сразу сделало преступление резонансным.

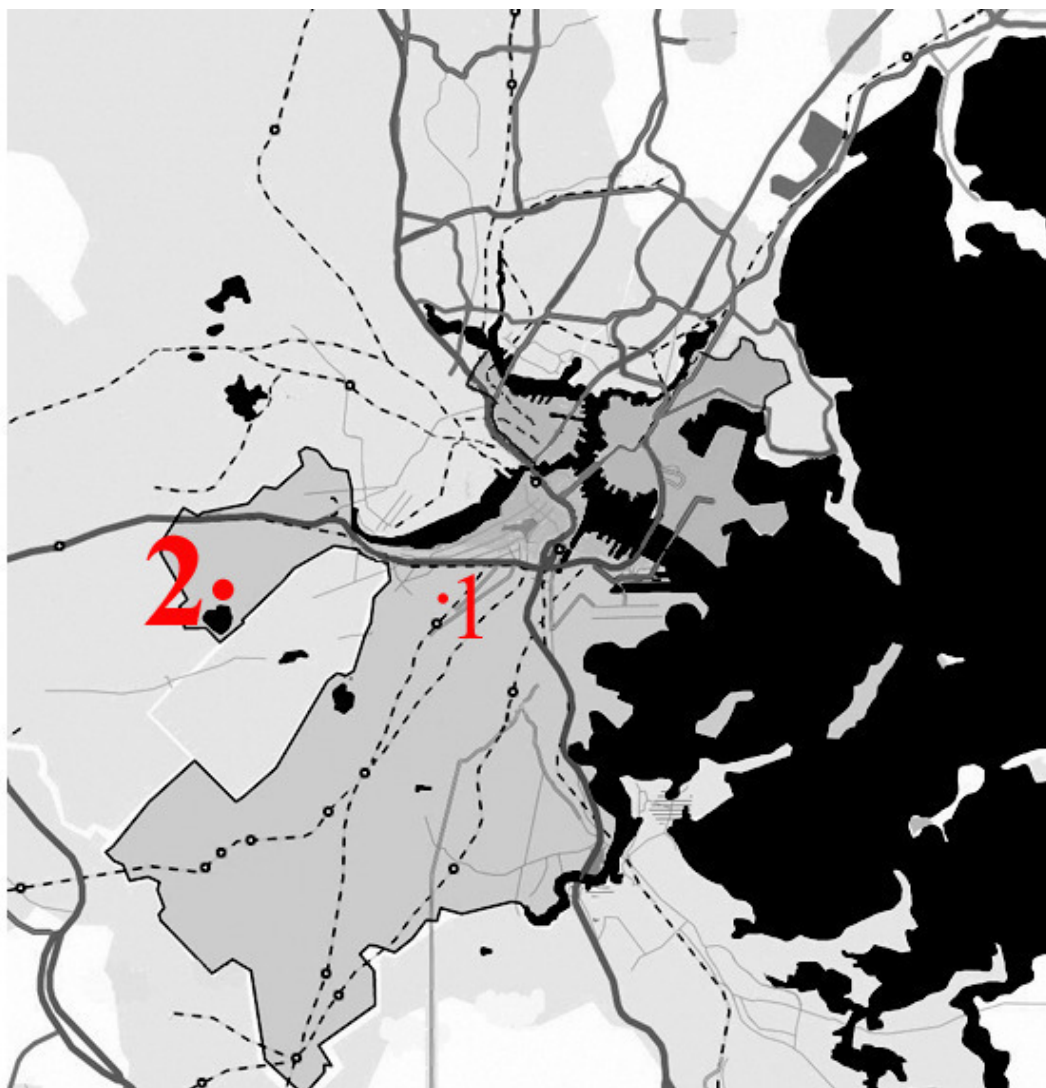

Схема Большого Бостона с указанием мест совершения убийств пожилых женщин посредством удушения летом 1962 г. Цифра 1 обозначает место убийства Анны Слесерс 14 июня, а 2 – Нины Николс 30 июня. Расстояние между точками немногим более 5 км.

В дом на Коммонвэлв-авеню немедленно отправился лейтенант Джон Донован, упоминавшийся ранее начальник Отдела расследования убийств Департамента полиции Бостона. После его предварительного доклада туда же выехал лейтенант Эдвард Шерри (Edward Sherry), офицер по особым поручениям при Эдмунде МакНамаре (Edmund L. McNamara). В своём месте мы ещё скажем несколько слов о той непростой обстановке, в которой приходилось работать последнему – причин тому было множество и одна из них заключалась в том, что МакНамара был для бостонской полиции не просто чужаком, а чужаком ненавистным. Заступив в должность 1 мая 1962 г., т.е. всего за два месяца до описываемых событий, Эдмунд сталкивался не только с неприязнью отдельных подчинённых, но и их саботажем. Действуя в столь непростых условиях, МакНамара был вынужден окружать себя людьми преданными и надёжными, и Эдвард Шерри являлся одним из таковых.

Лейтенант Шерри, появившись в квартире Нины Николс и ознакомившись с необычными деталями преступления, сразу же вызвал доктора Майкла Луонго (Michael Luongo). Последний являлся главным судмедэкспертом округа Саффолк (Suffolk county), на территории которого находился район Брайтон, и по совместительству – профессором судебной медицины Гарвардской медицинской школы, престижного учебного заведения, выпускники которого работали

в судебно-медицинских учреждениях по всему Восточному побережью США. Шерри не полагался на суждение находившегося на месте преступления врача и хотел, чтобы квартиру и тело убитой женщины осмотрел самый компетентный специалист Саффолка.

Картина на месте преступления производила впечатление бессмысленного вандализма. Дамская сумочка оказалась не просто раскрыта, а разорвана: её содержимое было бесцеремонно вывалено на пол. Чемодан с одеждой и обувью, находившийся в гостиной, был перевернут вверх дном, а вещи разбросаны по комнате. Содержимое тумбочек было хаотично рассыпано по креслам и диванам. Альбом с фотографиями был разорван в клочья, а фотографии собаки, которую Нина содержала много лет, оказались разбросаны по всей квартире.

Лейтенант Эдвард Шерри, офицер для поручений при Начальнике Департамента полиции Бостона. Несмотря на свою немного клоунскую внешность, лейтенант Шерри был настоящим профессионалом и отличался живостью ума, огромной работоспособностью и добросовестностью при исполнении заданий. Но самое главное – он был абсолютно неподкупен. Последнее достоинство представлялось особенно ценным, принимая во внимание серьёзный коррупционный скандал, потрясший Департамент в начале 1960-х гг и повлёкший смену его руководства. Эдмунд являлся одним из двух старших офицеров бостонской полиции (наряду с лейтенантом Джоном Донованом), пользовавшихся абсолютным доверием её нового руководителя Эдмунда МакНамары. В тех случаях, когда начальник городской полиции нуждался в объективной оценке инцидента или преступления, на месте происшествия появлялся лейтенант Шерри, становившийся глазами и ушами шефа.

Когда их собрали и пересчитали, то выяснилось, что число фотоснимков превышало 80; преступник, по-видимому, ходил с ними по квартире и бросал их налево-направо.

При этом некоторые вещи явно привлекли внимание неизвестного варвара: так, рядом с телефонным аппаратом оказался аккуратно уложен раскрытый блокнот с адресами и телефонными номерами друзей Нины, преступник, видимо, листал его. Также очень странно выглядели 6 серебряных монет по 1 фунту стерлингов, уложенные стопкой одна на другую на тумбочке у входа в квартиру. Преступник не мог их не заметить! Даже если их оставила на тумбочке хозяйка, а не убийца, казалось странным, почему сеявший хаос преступник не выказал к ним никакого интереса – их можно было без особых проблем продать или пере-

плавить... Очень дорогая фотокамера, стоившая по тем временам более 300\$, осталась лежать на полу – преступник проигнорировал и её! Пренебрежение к этой вещице выглядело странно, такую фотокамеру за неплохие деньги взял бы любой скупщик краденого.

На кровати в спальне аккуратно лежало женское платье, поверх него – очки. Аккуратно свёрнутое одеяло было уложено на пол возле одной из ножек кровати. Рядом находился закрытый атташе-кейс, преступника почему-то не заинтересовало его содержимое. В ридикюле оказались наличные деньги – 5 долларов 45 центов – совершенно незначительная даже по тем временам сумма для домохозяйки. Нина Николс была достаточно зажиточной женщиной, и то, что в её квартире не оказалось других денег, заставляло предполагать их хищение.

Доктор Луонго, осмотревший тело женщины на месте совершения преступления, сразу же заявил о «постановочности» картины, т.е. искусственности позы трупа. По мнению опытного судмедэксперта, Нина Николс не могла в процессе падения принять ту позу, в которой её нашли, преступник явно играл с телом, и игра эта его забавляла и доставляла удовольствие¹. Убийца сделал своего рода «художественную инсталляцию» – он широко развёл ноги убитой им женщины и разместил тело точно напротив дверного проёма промежностью к двери. Для усиления эмоционального воздействия на того, кто обнаружит труп, преступник позаботился о его обнажении – распахнул короткий халатик и поднял к ключицам бюстгалтер и пеньюар. На шее жертвы были с силой затянуты два капроновых чулка, почти скрытых складками кожи, на чулках оказались завязаны бантики, находившиеся под нижней челюстью слева. Свободные концы чулок были аккуратно расправлены и уложены на полу.

Ушные раковины женщины были испачканы кровью, вытекшей из слуховых проходов. По мнению доктора Луонго, жертву сильно ударили по ушам, возможно, не один раз, что вызвало повреждение барабанных перепонок. На нижней челюсти слева доктор отметил осаднение кожи и кровоизлияние, свидетельствовавшие о прижизненном ударе. Лобок и перинальная область были испачканы кровью, что указывало на некие грубые сексуальные манипуляции. Судебный медик предположил, что для этого могла использоваться бутылка из-под вина, найденная на месте преступления неподалёку от тела жертвы. Целостность ногтей и отсутствие защитных повреждений свидетельствовало о внезапности нападения. О возможном изнасиловании доктор Луонго ничего определенного сказать не мог – ясность в этот вопрос должны были внести вскрытие тела и судебно-химическое исследование.

Криминалисты, изучавшие место убийства, обратили внимание на предметы, к которым должен был прикасаться преступник. Это были пустая бутылка из-под вина, найденная в гостиной, с остатками жидкости на доньшке, атташе-кейс, картонная коробка, в которой, по-видимому, хранились фотографии собаки, и ридикюль. Последний вызвал интерес ввиду того, что найденная в нём сумма оказалась слишком незначительной для такой женщины, как Нина Николс. Отсюда логично вытекало предположение, согласно которому денег изначально было гораздо больше, но преступник забрал крупные банкноты, а оставил одну мелочь; понятно, что для этого ему требовалось ридикюль открывать. Упомянутые три предмета были изъяты с места совершения преступления и направлены в криминалистическую лабораторию для последующего тщательного изучения.

¹ * Несмотря на то, что словосочетания «игра с трупом» или «игра с телом жертвы» могут кому-то показаться странными, бестактными и даже резать слух, эти понятия широко используются профессиональным сообществом по всему миру. Ими обозначается потребность преступника в постмортальных (т.е. посмертных) манипуляциях с телом жертвы. Речь идёт о придании телам убитых людей различных поз, как правило, непристойных, введении в полости различных предметов, посмертном раздевании и переодевании убитых, оставлении на теле надписей, подписей и рисунков. К той же категории посмертных манипуляций относится расчленение тела и выкладывание из получившихся фрагментов различных фигур, символов или букв. Все сексуальные убийцы делятся на две большие несхожие группы, одна из которых испытывает потребность в постмортальных манипуляциях, а другая сразу же после убийства теряет интерес к трупу. Очевидно, что преступники из первой группы демонстрируют склонность к некрофилии, и по тому, как далеко заходят их фантазии, можно судить о том, насколько сильно данная парафилия завладела его воображением.

Обстановка в квартире Нины Николс заставляли сомневаться в душевном здоровье убийцы, хотя нельзя было исключать того, что последний умышленно вёл себя дико и нелогично, стремясь произвести впечатление человека, плохо себя контролирующего. Впечатление странности произошедшей трагедии ещё более усиливалось оттого, что жертва имела низкую виктимность: она жила в безопасном районе, её окружали хорошо знакомые соседи, все как один – респектабельные и уважаемые члены общества, в подъезде круглые сутки дежурил консьерж... Погибшая была прекрасно обеспечена материально, не имела долгов, не играла в азартные игры и не употребляла наркотики. Женщина уже много лет не поддерживала интимные отношения с лицами противоположного пола, так что драму на романтической почве вряд ли можно было рассматривать всерьёз. Разве могла Нина открыть дверь неизвестному ей мужчине, будучи облаченной в короткий халатик и пеньюар? Как вообще преступник проник в подъезд? Могла ли Нина привести его с собою?

Вопросов о последних днях и часах жизни Нины Николс имелось множество, и в конечном итоге все они получили ответы, вот только картина произошедшей трагедии от этого не только не прояснилась, но напротив, окончательно запуталась.

Нина овдовела в возрасте 48 лет и после этого уже не выходила замуж. На протяжении 16 лет она занимала должность главного физиотерапевта Массачусетского мемориального госпиталя (Massachusetts Memorial Hospital). Это медицинское учреждение являлось базой для студентов Университета Бостона и, будучи основанным в 1855 г., считалось одним из старейших и лучших в штате. В возрасте 65 лет Нина вышла на пенсию и жила безбедно, получая деньги как из пенсионного фонда, так и от биржевой торговли, которую вёл по её поручению брокер. Дважды в неделю она ходила на работу в больницу Святого Патрика, где трудилась совершенно бесплатно – это был своего рода акт благотворительности. Имелся у Нины и особый пациент – богатый мужчина в возрасте 70 лет, с которым она работала на протяжении двух последних лет. Никаких подозрений у полиции он не вызвал, поскольку, будучи инвалидом-колясочником не мог передвигаться самостоятельно. Помимо всего, сказанного выше, Нина являлась секретарём Американской ассоциации психотерапевтов и вела большую переписку с её членами. В общем, несмотря на возраст, она оставалась чрезвычайно активной и жизнедеятельной.

Полиция быстро установила, что 28 июня Нина Николс уехала за город с подругами и провела две ночи в пансионате. В свою квартиру она вернулась примерно в 16:50 30 июня, т.е. менее чем за час до смерти. Разумеется, эта поездка сразу же вызвала интерес детективов, ведь возможно, что именно там жертва и познакомилась с убийцей и возвратилась в его обществе! Однако сразу скажем, дабы не возвращаться к этому вопросу в дальнейшем, что эта версия быстро рассыпалась: было установлено, что Нина возвратилась одна и никаких подозрительных знакомств в пансионате она не заводила.

Итак, около 17 часов 30 июня Нина Николс в одиночестве – что подтверждалось показаниями консьержа Томаса Брюса – поднялась в свою квартиру. Примерно в 17:10 или чуть позже она позвонила Маргарите Стедман, родной сестре, рассказала о поездке и договорилась, что к 18 часам приедет на ужин. Во время телефонного разговора зазвенел дверной звонок, и Нина сказала сестре, что к ней кто-то пришёл и она перезвонит. Однако Нина не перезвонила и к 18 часам на ужин не приехала. Примерно в 19 часов Честер Стедман по просьбе жены принялся звонить по домашнему телефону Нины – трубка не поднималась. Супруги решили, что Нина задерживается в дороге, и решили подождать... К 19:30 стало ясно, что ситуация совершенно ненормальна: Нина либо попала в серьёзное ДТП, либо с ней что-то случилось дома. В любом случае требовалось выяснить, где она и что с ней. Тогда-то Честер Стедман и позвонил консьержу.

Сильно отретушированная газетная фотография Нины Николс, по-видимому, даёт слабое представление об истинной внешности этой женщины. Мы знаем, что несмотря на свой возраст она была энергична и очень подвижна, вела активный образ жизни. Нина Николс во многом напоминала задуманную двумя неделями ранее Анну Слесерс, с той только разницей, что социальный статус Нины был заметно выше. Нина состоялась в профессии, её уважали и ценили как опытного врача, она находила время на отдых и благотворительную работу в больнице для бедных. Как и в случае убийства Анны Слесерс полиция не сумела найти среди знакомых жертвы никого, кто мог бы затаить на неё обиду. Но это обстоятельство рождало безответный вопрос: если убийца был незнаком Нине, то почему она пустила его в квартиру? Ведь она собиралась в гости и совершенно не располагала свободным временем!

Представлялось довольно очевидным, что во время телефонного разговора Нины Николс и Маргариты Стедман в дверь квартиры первой из них позвонил убийца. Однако консьерж утверждал, что мимо него в интервале с 17 до 18 часов дом не проходили посторонние мужчины. Означало ли это, что Нину убил кто-то из жильцов?

Если всё-таки преступление совершил посторонний, то как он попал к двери квартиры, находившейся на 4 этаже 6-этажного дома? Неужели этот человек никому не звонил на этажах, расположенных выше или ниже? Шёл, шёл, шёл, уткнулся носом в дверь квартиры на 4 этаже, позвонил наобум, и ему открыла Нина Николс? Или, всё-таки, человек этот шёл целенаправленно и был уверен, что ему откроют?

Случайный визит казался совсем уж маловероятным, а вот предположение о посещении какого-то знакомого требовало проверки.

Однако все, знавшие Нину, категорически заявляли, что в последние годы её жизни порог её квартиры переступали лишь двое мужчин. Первый – это Честер Стедман, муж её родной сестры, имевший как железное *alibi*, так и безупречную репутацию, а второй – художник-оформитель, работавший с Ниной в 1960—1961 гг. после ремонта в её квартире. Как показала проверка, художник также имел надёжное *alibi*, а потому никаких серьёзных подозрений не вызвал.

Если убийца был из числа знакомых жертве мужчин, следовало искать кого-то другого.

Выяснилось, что поездка 28—30 июня была отнюдь не единственной такого рода. На предыдущий week-end – т.е. 23—24 июня – Нина Николс также уезжала из города в составе другой женской компании. Компания отдыхала в небольшом пасторальном городке Даксбери

(Duxbury) примерно в 50 км к югу от Бостона. Эта поездка, разумеется, тоже заинтересовала полицию. Дело заключалось в том, что такого рода выезды в Даксбери совершались регулярно с периодичностью 2—3 раза в месяц, Нина могла там примелькаться, и если преступник жил или работал в этом городке, то он мог свести короткое знакомство с ней задолго до убийства. Пара детективов Отдела расследования убийств в первой декаде июля отправилась в Даксбери, дабы вместе с местными полицейскими поискать тех, кто вступал или мог вступать в контакт с Ниной Николс во время её приездов.

Это направление расследования казалось очень перспективным, однако никакого результата оно не принесло.

Помимо Даксбери, убитая женщина на протяжении трёх последних лет уезжала в зимний период во Флориду, а летом – в штат Мэн. Благодаря Маргарите Стедман полиция установила адреса отелей, в которых останавливалась Нина. Туда также отправились детективы из Бостона, рассчитывая обнаружить подозрительные знакомства или подозрительных лиц в составе персонала гостиниц. Эти направления также были добросовестно отработаны и также не принесли никаких реальных зацепок.

По всему получалось, что Нину Николс убил некий мужчина, ей совершенно незнакомый. Их встреча была случайной и непредсказуемой. Если бы женщина задержалась в дороге на час, или напротив, приехала бы часом ранее, то, скорее всего, разминулась бы с преступником.

Опрос жителей дома дал полиции мало содержательной информации. Никто из находившихся в доме людей не видел подозрительного мужчину, слонявшегося по этажам, никто не видел и не слышал ничего необычного, никто не звонил в двери по надуманным предложениям... Складывалось такое ощущение, будто убийца шёл целенаправленно в квартиру Нины и, совершив задуманное, ушёл, не привлекая к себе внимания.

В конечном итоге предположение о возможном ограблении было полностью отброшено. Получило объяснение даже то, что в кошельке Нины Николс оказалась подозрительно маленькая сумма наличных денег. Хорошо знавшие Нину свидетели рассказали полиции о её нелюбви к наличности: Нина панически боялась ограбления и старалась не снимать деньги в банках и не брать наличные деньги в руки. Даже при покупке газет и журналов она выписывала чеки, что для американских реалий первой половины 1960-х гг. выглядело уже довольно необычным. Но вот такая у неё была причуда...

Убийство Нины Николс с полным основанием можно назвать очень странным. Это ощущение странности только возросло после того, как стали известны результаты судебно-медицинской экспертизы, не обнаружившей ни на трупe, ни в его полостях, ни на одежде и окружающих предметах спермы. Разрывы влагалища и ректума по всей видимости были причинены инородным предметом, который преступник, уходя, унёс с собою. Полового акта с жертвой нападавший либо не осуществлял вовсе, либо осуществлял, но не довёл его до семяизвержения. Непонятно было, ради чего всё это делалось: двигала ли преступником похоть? или его мотивом являлась месть? или нечто иное? Как убийца проник в дом? Как он уговорил Нину Николс впустить его в квартиру?

В этой связи уместно обратить внимание читателей на то, что Начальник Отдела расследования убийств BPD Джон Донован бывал как на месте убийства Анны Слесерс, так и на месте убийства Нины Николс. Опытный детектив видел как обстановку в квартирах, так и тела жертв. Джон Донован летом 1962 г. пришёл к твёрдому убеждению в том, что эти преступления, хотя и схожи некоторыми чертами, всё же совершены разными лицами. Начальник «убойного» отдела заявил своему шефу Эдмунду МакНамаре, что убийство Нины Николс должно расследоваться Службой шерифа округа Саффолк и городской Департамент «своего интереса» в этом расследовании не имеет. Другими словами, поимка убийцы Нины Николс никоим образом не приблизит разоблачение негодяя, поднявшего руку на Анну Слесерс. Причём так Донован

считал и во второй половине 1962 г., и в 1963 г., и в 1964 г... Это очень интересный момент, который обычно опускается всеми писателями и журналистами, принимающими на себя труд изложить ход расследования этих преступлений!

Хотя расследование убийства Нины Николс проводилось очень энергично, никакого видимого результата оно не дало. Правоохранительные органы не назвали ни одного подозреваемого. Никого не заключили под стражу. И никто не был предан суду.

2 июля 1962 г. Убийство Хелен Блэйк

Хелен Блэйк (Helen Blake), 65-летняя женщина, в прошлом медсестра, а летом 1962 г. – пенсионер, проживала в 3-этажном доходном доме №73 по Ньюхолл-стрит (Newhall street) в городе Линн (Lynn), расположенном примерно в 20 км к северу от Бостона. Это был сравнительно небольшой – менее 100 тыс. жителей – населенный пункт, переживавший притом пору затяжной депрессии. На протяжении долгих десятилетий со времён Второй Мировой войны население Линна неуклонно сокращалось и к началу 1980-х гг. стало меньше 80 тыс. человек. Белые и богатые уходили из города, переселяясь в т.ч. и в Бостон, а неблагополучные цветные, наоборот, в Линн переезжали.

Дом №73 по Ньюхолл-стрит находился в юго-восточной части города в нескольких сотнях метров от океанского побережья. Это было сравнительно небольшое 3-этажное здание, входившее в комплекс однотипных построек, предназначенных для малообеспеченных граждан. Площадь квартиры №9, занятой Хелен Блэйк, немногим превышала 20 кв. метров – для американцев, традиционно предпочитающих жить в больших домах такое жильё следовало признать очень и очень скромным. Рядом с Хелен Блэйк проживали такие же, как и она сама, пенсионерки Маргарет Хэмилтон (Margaret Hamilton) и Энни Винчелл (Annie Winchell) – именно они и подняли тревогу 2 июля 1962 г.

Подруги Хелен стали вспоминать, когда видели её в последний раз, и с удивлением отметили, что на протяжении нескольких предшествующих дней никому на глаза она не попадалась.

Белое 3-этажное здание на этой фотографии – ныне разобранный дом №73 по Ньюхолл-стрит в Линне. В нём летом 1962 г была убита Хелен Блэйк.

Это было очень странно, поскольку Хелен была бодра и энергична, на здоровье не жаловалась и каждый день совершала продолжительные прогулки по живописному пляжу Нахант-бич, расположенному в шаговой доступности от её дома. Ощущение странности ещё более возросло после того, как две подруги Хелен Блэйк отправились к администратору дома и узнали, что она пропустила последний платёж за жильё. Подобная небрежность была совершенно нехарактерна для Хелен!

Встревоженные подруги попросили администратора открыть своим ключом апартаменты Хелен, однако тот не захотел тратить на эту чепуху время. Он вручил Маргарет и Энни запасной ключ от двери и предложил сделать это самостоятельно. Тут, конечно, сразу приходит на ум та предупредительность, с которой упоминавшийся в предыдущей главе Том Брюс отправился проведать Нину Николс после первой же просьбы её свояка, но таковы уж реалии классо-

вого общества: к людям более состоятельным одно отношение, менее состоятельным – совсем иное.

Подруги, вооружившись полученным ключом, отправились к хорошо знакомой двери. После безрезультатного продолжительного стука в неё, они решили открыть замок самостоятельно. Едва переступив порог, они остановились в замешательстве: буквально в нескольких метрах на кровати у окна они увидели обнажённое тело Хелен Блэйк. В том, что женщина мертва, можно было не сомневаться, для этого было достаточно почувствовать запах, витавший в горячем воздухе запертого помещения.

Когда перепуганные женщины позвонили в ближайший полицейский участок², дежурный офицер задал им вполне резонный вопрос: «Почему вы звоните в полицию, а не в больницу?» И получил не менее резонный ответ: «Для чего звонить в больницу, если на шее затянут бюстгальтер?» Свидетельницы не рассмотрели деталей на месте преступления, но каждая из них запомнила на всю оставшуюся жизнь бюстгальтер на шее Хелен Блэйк...

Город Линн в 1962 г. находился, как, впрочем, находится и теперь, на территории округа Эссекс (Essex county), поэтому городское управление полиции при расследовании убийства Хелен Блэйк взаимодействовало со службой шерифа этого округа, а не с аналогичной службой округа Саффолк или Департаментом полиции Бостона. На протяжении довольно долгого времени упомянутое преступление расследовалось совершенно автономно. Минуту несколько недель, прежде чем детективы Отдела расследования убийств BPD узнали, что у коллег к северу от Бостона находится в работе схожее по многим деталям преступление, но даже после этого расследования не были объединены и продолжались независимо друг от друга.

² Единый телефон аварийно-спасательных служб и полиции 911 появился в США в феврале 1968 г.; до этого сообщения о преступлениях принимались территориальными органами полиции и служб окружных шерифов.

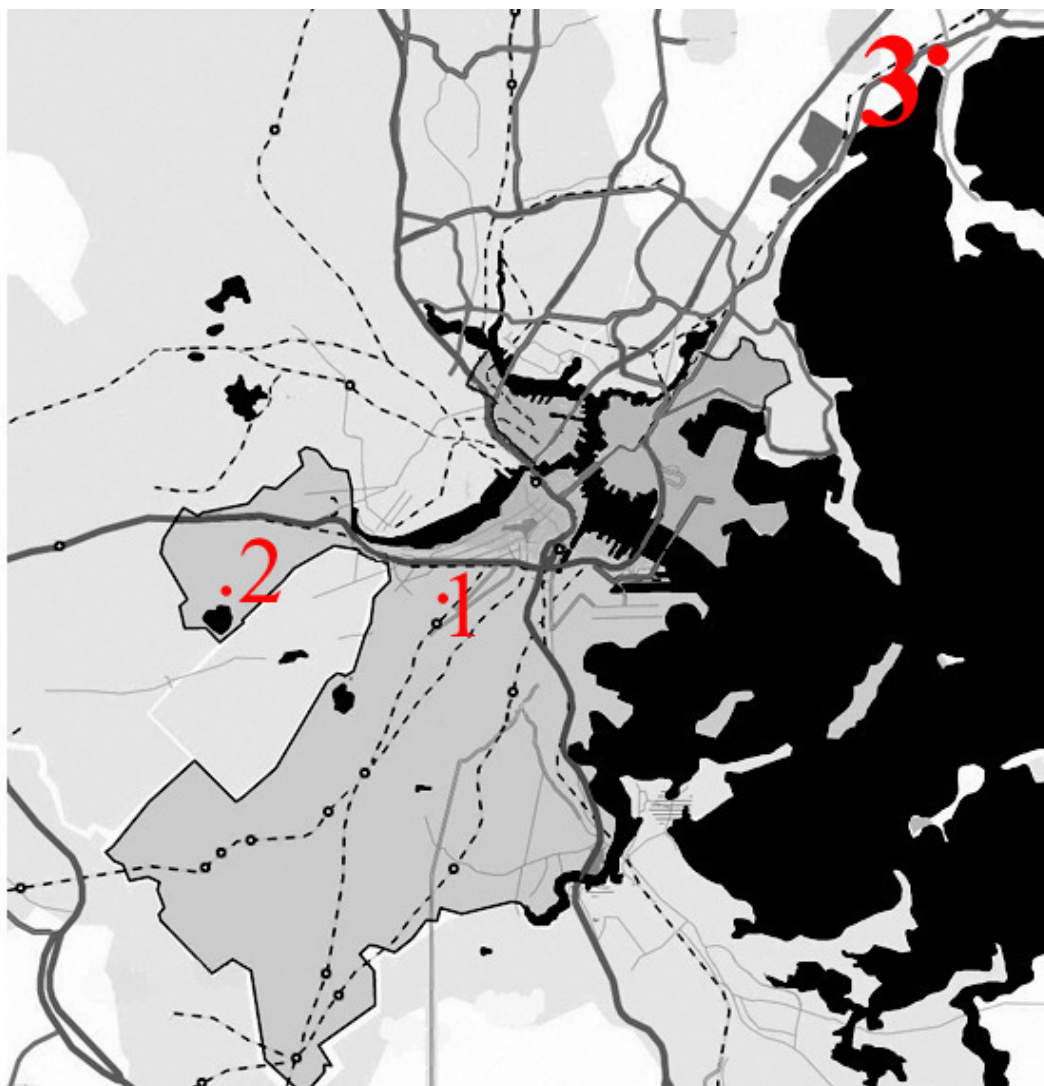

Схема Большого Бостона с указанием мест совершения убийств пожилых женщин посредством удушения летом 1962 г. Цифры обозначают места совершения преступлений в их хронологической последовательности: 1 – убийства Анны Слесерс 14 июня, 2 – убийства Нины Николс 30 июня и 3 – убийства Хелен Блэйк, также совершенного 30 июня. Как стало ясно по результатам расследований, последние два упомянутых преступления были совершены в один день с интервалом в несколько часов. Расстояние между 2 и 3 не менее 20 км по прямой. Мог ли один и тот же убийца совершить два преступления на таком расстоянии с очень небольшим интервалом (не более 5 часов)?

Осмотр апартаментов, явившихся местом преступления, показал, что картина произошедшего много сложнее и запутаннее, чем могло бы показаться на первый взгляд.

Входная дверь не была взломана, что могло означать одно из двух: либо преступник открыл замок своим ключом и застал хозяйку жилища врасплох, либо она впустила его добровольно. По-видимому, Хелен Блэйк была убита на кухне, точнее, небольшой выгородке, служившей кухней. Там присутствовали следы борьбы – опрокинутая корзина с грязным бельём, приготовленным к стирке, вырванный из фанерной перегородки крючок для полотенца и т. п. Тело, однако, находилось в кровати, причём, когда труп подняли, выяснилось, что постельные принадлежности почти не потревожены, не помяты, не разорваны, не скомканы... В постели не спали и уж точно не совершали половой акт. Скорее всего, Хелен перестелила кровать в день убийства и более в неё не ложилась. Детективы пришли к выводу, что преступ-

ник, видимо, убил женщину в кухне, после чего перенёс тело в кровать, причём проделал это довольно аккуратно. В интернете можно найти фотографии, сделанные после того, как тело увезли в морг – кровать действительно выглядит почти не потревоженной, так что в справедливости этого вывода вряд ли можно усомниться.

Но вот понять, для чего именно убийца переносил тело, куда сложнее. Намеревался ли он совершить половой акт с трупом и хотел ли сделать это на кровати? Или же он утолил свою похоть на кухне, а тело перенёс для того, чтобы шокировать тех, кто его обнаружит? Руководствовался ли он вообще сексуальным мотивом или лишь имитировал его, дабы замаскировать тривиальное ограбление? Вариантов ответов могло быть множество, выбрать какой-то один представлялось делом почти невозможным...

Хелен была облачена в пижамную рубашку, поднятую убийцей в область подмышек. Нижняя часть тела оказалась полностью обнажена, ноги вытянуты и широко раздвинуты. Труп лежал лицом вниз, голова повернута к левому плечу. На шее был плотно завязан бюстгалтер, под ним находились два нейлоновых чулка, вдавленные в тело примерно на сантиметр.

Труп Хелен Блэйк в кровати. Это, пожалуй, единственный фотоснимок с мест описываемых в этой книге преступлений, который в силу этических соображений уместно привести в качестве иллюстрации.

Как стало ясно по результатам судебно-медицинской экспертизы, именно этими чулками женщина и была задушена. Узлы чулок находились сзади, немного ниже линии волос, а это означало, что преступник затягивал их, находясь позади жертвы, скорее всего, сидя на спине. Бюстгалтер же был завязан спереди под подбородком и чтобы завязать его, преступнику следовало перевернуть убитую женщину на спину.

Занимаемое Хелен Блэйк помещение подверглось грубому и торопливому обыску: вещи из шкафа и тумбочек были грубо выброшены, сумочка раскрыта и наполовину вывернута, на полу разбросаны мелкие предметы, квитанции на оплату, газеты и пр. Судебно-медицинская экспертиза показала, что Хелен Блэйк имела отличное для своего возраста здоровье, не имела никаких хронических заболеваний и могла прожить ещё много лет. Причиной её смерти явилось удушение петлёй, незадолго до наступления смерти женщине были нанесены побои, примерно 4 или 5 ударов в челюсти и скулы. В местах травмирования стали образовываться кровоподтёки, что указывало на разнесённость во времени (хотя и небольшую) побоев и момента смерти. По мнению судебного медика, женщина умерла примерно через 15 или чуть более минут после нападения, вполне возможно, что в течение этого времени преступник то душил жертву, то давал ей отдышаться. По-видимому, такого рода игра возбуждала его.

Следов спермы ни на теле убитой женщины, ни на предметах окружающей обстановки обнаружить не удалось. Тем не менее, существование сексуального мотива особых сомнений

не вызывало – осаднения и разрывы половых органов и ректума однозначно свидетельствовали о манипуляциях преступника. Следы крови присутствовали на пижамной рубашке и штанах, а также постельных принадлежностях.

Это единственные фотографии жертвы удушения, приведенные в этой книге. Снимки умышленно приведены к небольшому размеру, дабы не травмировать читателя. Вид задушенного петлёй человека всегда оставляет тяжёлое впечатление: синюшно-багровый цвет лица, приоткрытый рот, закусенный кончик языка, глубоко вдавленная в шею петля. Прямо скажем, смотреть особенно не на что... Но для судебного медика осмотр трупа имеет большое значение – по характеру прилегания петли, наличию и расположению узла можно сделать заключение об имитации самоубийства, расположении преступника относительно жертвы в процессе душения, последовательности действий убийцы, а также о том, явилось ли удушение однократным действием или же убийца несколько раз возвращал жертву к жизни, а потом душил снова. Все эти детали имеют исключительно большое значение для следствия.

На теле Хелен отсутствовали т.н. «защитные» повреждения, возникающие обычно при активном сопротивлении (кровоподтёки на предплечьях, сломанные ноги, осаднения на суставах – локтевых, коленных, пястно-фаланговых). Это означало, что женщина не боролась с нападавшим, либо её сопротивление оказалось минимальным. Видимо, первые же удары в голову привели её в шоковое состояние, сделав невозможным активную самозащиту. Тем не менее, женщина не имела повреждений, способных привести к моментальной потере сознания, поэтому с большой вероятностью можно было предполагать, что она кричала и звала на помощь. Следствию имело смысл сосредоточиться на поиске свидетелей, слышавших подозрительные крики.

По заключению экспертизы, смерть Хелен Блэйк последовала примерно за двое суток до обнаружения тела, т.е. 30 июня 1962 г.. Весьма заметные посмертные изменения были обусловлены высокой температурой в закрытом помещении, в котором труп находился после смерти (около +30°C).

По-видимому, преступник проник в апартаменты Хелен в то время, когда женщина уже собиралась ложиться спать. Она перестелила кровать, старое бельё бросила в корзину, рассчитывая, видимо, постирать его на следующий день... Преступник либо сумел убедить Хелен отворить ему дверь, либо открыл её своим ключом, возможно, отмычками. Его появление явилось неожидан остью для пожилой женщины, оказавшейся неспособной оказать злоумышленнику сопротивление.

Полиция Линна приложила большие усилия для поиска свидетелей нападения или тех, кто мог видеть в доме 30 июня подозрительного мужчину. Были опрошены все жильцы дома №73 по Ньюхолл-стрит, а также лица, имевшие причину там появиться: родственники проживавших в доме людей, почтальоны, администратор и т. п. Результаты этой объёмной, но мало результативной работы заключались в том, что никто не видел во второй половине дня подозрительных мужчин ни в доме, ни возле него.

Довольно редкая фотография: сотрудники Департамента полиции Линна обсуждают детали убийства Хелен Блэйк на месте совершения преступления. Криминалисты обычно не фотографируют работу полицейских, люди если и попадают в кадр, то как правило на обзорных снимках, когда это обусловлено соображениями целесообразности (например, чтобы можно было составить представление об истинной крутизне склона горы, доступности окна, соотнести размер предмета с ростом человека и т.п.). В данном случае фотограф сделал снимок либо случайно, либо не рассчитывая его сохранить. Тем не менее, фотография эта сохранилась, очевидно, потому, что за нею стоит большая и очень необычная криминальная история.

Саму же Хелен Блэйк в последний раз видели живой 29 июня около 16:30, тогда она поговорила с администратором дома и пообещала оплатить проживание после 1 числа будущего месяца.

То, что полиция не смогла отыскать свидетелей, можно было объяснить несколькими взаимодополняющими причинами: во-первых, пожилые люди во второй половине жаркого

дня обычно уходили к океану, где влажность и высокая температура переносились легче, чем в жилом помещении, а во-вторых, осторожный преступник дерзнул напасть тогда, когда был уверен, что его никто из соседей жертвы не видел. Вполне возможно, что столкнувшись с кем-то из жильцов на лестнице, злоумышленник отказался бы от своих планов, и Хелен Блэйк осталась бы жива...

К концу первой недели активно начатое расследование забуксовало. Отпечатков пальцев, которые можно было бы связать с убийцей, на месте преступления обнаружить не удалось. Опрос жильцов дома не привёл к выявлению свидетелей нападения. Спермы насильника на жертве не оказалось, а потому установить его группу крови не представлялось возможным. Неизвестный изувер сумел прийти и уйти, не оставив никаких следов.

Кем бы ни был этот человек, он сумел совершить идеальное преступление, которое грозило стать «висяком» без всяких шансов быть раскрытым.

11 июля 1962 г. Убийство Маргарет Дэвис

Отель «Рузвельт», занимавший дом №1147 по Вашингтон-стрит (Washington street) в южной части Бостона являлся не то чтобы явным притоном, но местом, пользующимся славой определенного свойства. Расстояние этой части Вашингтон-стрит до порта составляло около 2 км и здесь частенько появлялись толпы моряков со всего света в компании разноцветных подружек, из разряда тех, коих принято считать женщинами с пониженной социальной ответственностью. Настоящая слава к отелю «Рузвельт» пришла немного позже описываемых здесь событий – это случилось 4 февраля 1968 г., когда сие гнездо порока сгорело дотла. Тогда в огне погибли 9 человек, и случившееся стало на несколько дней «городской новостью №1». Отель на этом месте более не открывался, хотя здание кое-как восстановили, признав пригодным для хозяйственной эксплуатации. В 2012 г. этот объект оказался в эпицентре нового скандала, связанного с его незаконной эксплуатацией в качестве жилого здания, в котором за 500\$ в месяц ютились малоимущие, в т.ч. и инвалиды-колясочники. Здание не имело систем защиты от пожара и запасного выхода, что грозило новыми жертвами в случае небрежного обращения с огнём. Коммунальные службы при поддержке полиции принудительно расселили дом, а местное телевидение напомнило жителям Бостона об истории этого примечательного места.

Впрочем, все эти перипетии имеют к нашему повествованию отношение весьма опосредованное. Случившееся тогда интересно нам лишь постольку, поскольку после пожара 1968 г. отель «Рузвельт» исчез с карты города и ныне этого здания не существует.

Сгоревший в феврале 1968 г. отель «Рузвельт», находившийся по адресу дом №1147 по Вашингтон-стрит, после пожара уже не был восстановлен. Здание считалось непригодным для жилья, хотя на протяжении многих лет в нём ютились малоимущие. Городские власти закрывали на это глаза, но уже в 21 столетии здание было снесено, и на этом участке построено другое.

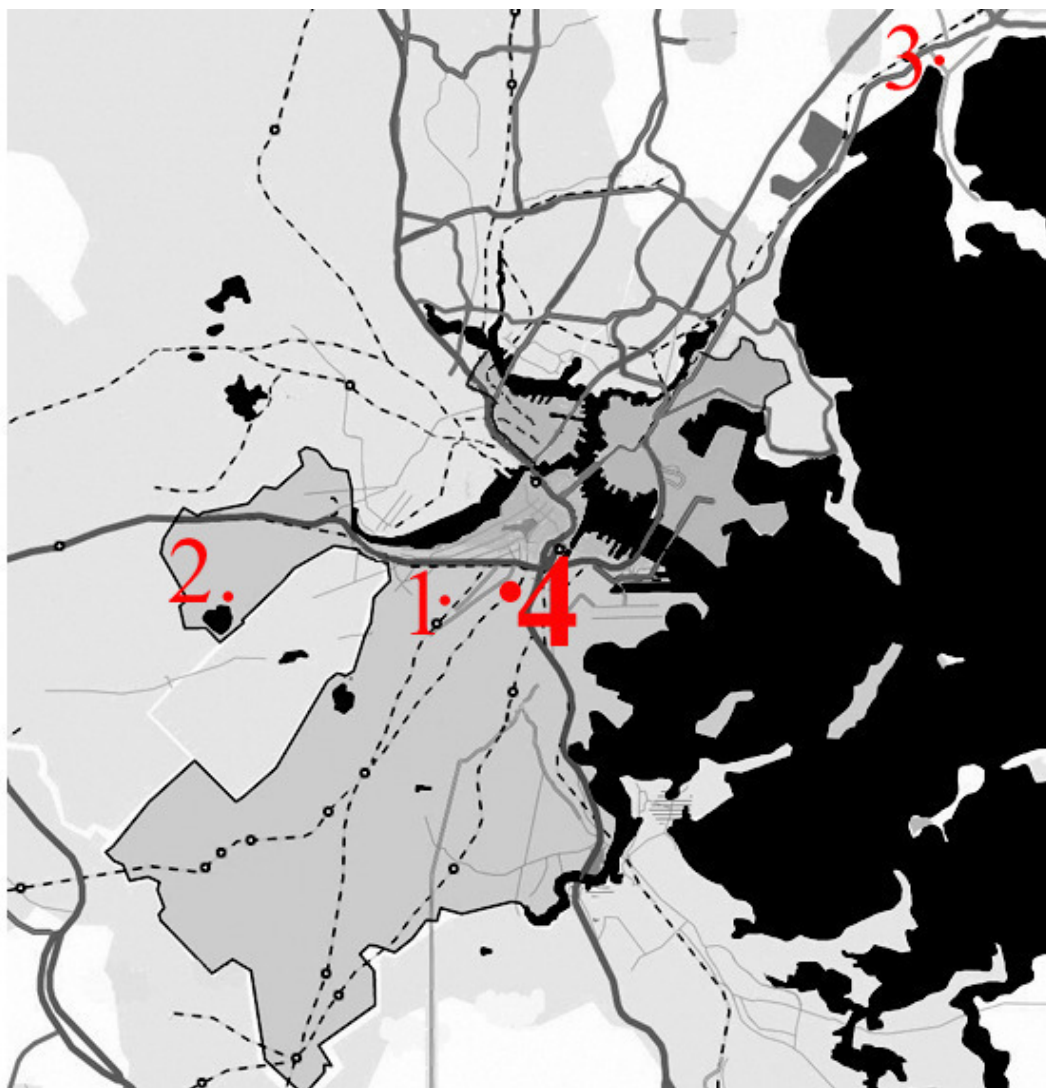
Летом 1962 г. в «Рузвельте» за 8\$ можно было снять номер на час, а за 25\$ – на ночь. Если клиента приводила дамочка, знакомая портье, то документы при поселении можно было не предъявлять – достаточно было любой фамилии, нацарапанной клиентом с закрытыми глазами. Именно по такой схеме и произошло поселение поздним вечером 10 июля некоего «Байрона Спинни» (Byron Spinney) и его якобы «супруги». Портье прекрасно знал, что «миссис Спинни» на самом деле никакая не «миссис» – это местная старая проститутка Этель Джонсон (Ethel Johnson), женщина в годах, потасканная, опутившаяся и сильно пьющая. И мужчина, который явился с нею, вовсе не являлся Байроном Спинни. Уж коли он подписался таким именем и фамилией, то звали его точно не так...

Парочка заявила о намерении остаться в гостинице до утра. Заплатив положенную сумму, «мистер и миссис Спинни» прошли на второй этаж, в комнату №7. Дамочка была крепко пьяна, её покачивало, мужчина галантно поддержал её на лестнице. В руке он держал початую бутылку «виски», очевидно, вечер предполагалось продолжить в номере. Всё было как всегда – портье наблюдал шатающихся женщин и мужчин с бутылками в руках по двадцать раз на дню.

В 08:30 горничная постучала в дверь №7 и, поскольку ей никто не ответил, открыла замок своим ключом.

На кровати лицом вверх лежала полностью обнаженная женщина. Лицо её было неестественно багровым, рот широко раскрыт в немом крике. Не вызывало сомнений, что женщина мертва, и уже давно, – в жарком спёртом воздухе был разлит тошнотворный букет специфических посмертных запахов: мочи, желчи, кала... и спиртного, само собой.

Портье, впрочем, как и горничная, не особенно заволновался – гостиница «Рузвельт» являлась таким местом, где постоянно происходили разного рода нестандартные ситуации. Клиенты избивали проституток, проститутки обворовывали клиентов, кто-то пытался вешаться, кто-то случайно резался стеклом, у кого-то приключались приступы белой горячки – в общем, жизнь была ключом, и на этом празднике жизни с завидной регулярностью кого-то убивали или кто-то сводил счёты с жизнью своими силами. Женщина из №7 вполне могла умереть от естественных причин – скажем, задохнуться собственной рвотой или от сердечной недостаточности... Вполне себе тривиальные для алкоголика причины смерти!

Места убийств женщин посредством удушения в Бостоне летом 1962 г на карте города. Цифры 1—3 – описанные выше эпизоды, 4 – место убийства проститутки в ночь на 11 июля в отеле «Рузвельт». Упомянутый отель располагался на полпути из порта Бостона в Роксбари, наиболее криминальную часть города. Неудивительно, что его облюбовали для уединения с проститутками моряки, портовые рабочие и местные бандиты. Вся эта публика составляла значительную часть клиентов отеля, так что сохранить презентабельность этому заведению было практически невозможно. В отеле с завидным постоянством происходили насильственные преступления разной степени тяжести, в основном, их жертвами становились проститутки, хотя иногда перепало и их клиентам. Так, например, в 1950-х гг из окон отеля дважды выпадали его постояльцы (в обоих случаях коронер констатировал острый делирий, т.е. белую горячку). В общем, местечко было нескучным.

Однако прибывший в отель патруль сразу же вызвал на место происшествия детективов Отдела расследования убийств BPD. На шее умершей женщины отчётливо просматривались синюшно-чёрные следы пальцев рук, так что факт удушения сомнений не вызывал.

Началось расследование, и сразу же последовали неприятные открытия. Первое заключалось с том, что никто не видел «мистера Байрона Спинни» уходящим из гостиницы. Портье утверждал, что не отлучался со своего места надолго, и ему можно было верить – он ничего не заработает, если перестанет контролировать вход и выход из отеля. Исходя из предположения, что убийца прячется внутри здания, полиция обыскала весь отель, но преступника

не нашла. Куда и как он мог исчезнуть, выяснить так и не удалось, вариантов его отхода с места совершения преступления могло быть несколько, например, можно было допустить небрежность портье, в которой тот не пожелал признаться, либо бегство по пожарной лестнице, хотя последнее трудно было проделать незаметно для окружающих. Нельзя было полностью исключить и сговор преступника с портье, если они были давно знакомы или состояли в родственных отношениях.

В течение последующих месяцев портье несколько раз допрашивался полицией, очевидно, ввиду того, что первоначальные его показания внушали определенное недоверие. Однако никаких свидетельств его нечестности выявить не удалось; вопрос «как преступнику удалось незамеченным ускользнуть из отеля?» так и не получил точного ответа.

Другая проблема, которую пришлось решать следствию, заключалась в идентификации жертвы преступления. Убитая женщина была известна портье как Этель Джонсон, однако быстро выяснилось, что это не настоящие имя и фамилия. Появилась информация, будто погибшая была женою некоего Джонни Джонсона – этот человек был разыскан. Оpoznать убитую он не смог. Бармен одного из питейных заведений, в котором появлялась время от времени женщина, припомнил, что она, вроде бы, лечилась от алкоголизма в Доме Доброго Пастыря (House of the Good Shepherd), бесплатной больнице для малоимущих в районе Джа-майка-плэйн, примерно в 5 км юго-западнее отеля. В больнице убитую опознали как Энни Оукли, однако последующая проверка показала, что эти имя и фамилия тоже были вымышлены. Впрочем, тот факт, что женщина лечилась в южной части Бостона, можно было считать обнадеживающим, поскольку жить она должна была где-то неподалёку.

Поиски людей, способных опознать убитую, продолжались почти четверо суток. Оказалось, что в разных местах Бостона её знали под разными именами: Винни Хьюз, Энни Каннингхэм и т. п. Выяснилось, кстати, и любопытное совпадение: убитая лечилась в той самой больнице, в которой вплоть до 1959 г. работала Нина Николс, задушенная 30 июня. Впрочем, эти женщины вряд ли были знакомы, поскольку больница в большом городе – место многолюдное и с высокой проходимостью, никаких достоверных свидетельств того, что жертвы двух преступлений встречались, отыскать не удалось.

Сложно сказать, как долго могли продолжаться мытарства детективов, пытавшихся разузнать хоть что-то из прошлой жизни убитой в ночь на 11 июля женщины, но им на помощь пришли её родственники, подавшие заявление в полицию о её исчезновении. Выяснилось, что жертвой жестокого преступления явилась 60-летняя Маргарет Дэвис (Margaret Davis), проживавшая в доме №139 по Блю-Хилл авеню (Blue Hill avenue) в бостонском районе Роксбери (Roxbury). Дом этот находился в 3 км к югу от отеля, в котором Маргарет нашла свою смерть.

Результаты судебно-медицинской экспертизы оказались во многом предсказуемы. Женщина на момент смерти находилась в состоянии сильного алкогольного опьянения, что полностью соответствовало показаниям портье. На руках и ногах Маргарет Дэвис были обнаружены многочисленные кровоподтёки, по-видимому, не находившиеся в причинной связи с её смертью. Поскольку женщина являлась алкоголичкой, то можно было не сомневаться в том, что она много падала, ударялась о мебель и т. п. Присутствовали и кровоподтёки, являвшиеся, скорее всего, результатом побоев, но и их сложно было связать с последним нападением. Маргарет Дэвис являлась дешёвой проституткой, с такими женщинами мало церемонятся клиенты и часто бьют, так что объяснить получение тех или иных травм нападением именно убийцы не представлялось возможным.

Состояние половых органов свидетельствовало об имевшем место незадолго до смерти грубом половом акте, но и эту деталь сложно было связать с убийством. Вполне возможно, что напавший на женщину человек был не первым её клиентом в тот вечер, так что сделать однозначное заключение о том, осуществлял ли убийца половой акт с жертвой, не представлялось возможным. Спермы не было найдено ни на теле жертвы, ни в её полостях.

Непосредственной причиной смерти Маргарет Дэвис явилось удушение руками. Смерть последовала около полуночи, возможно, в первые часы 11 июля. Преступник, видимо, был достаточно крепок физически и имел определенный опыт, поскольку задушить руками взрослого человека довольно сложно, точнее, говоря, из всех способов удушения этот самый сложный (требуется большая сила в кистях рук и определенная выдержка).

С физическими уликами дела обстояли плачевно. В силу очевидных причин, в гостиничном номере во множестве были обнаружены отпечатки пальцев, однако ни один из них нельзя было связать с убийцей. Все они – числом более 110! – были сохранены в надежде на совпадение с «пальчиками» подозреваемого, если таковой появится, но никакой гарантии столь благоприятного стечения обстоятельств не существовало. Криминалистам очень бы помогла бутылка с виски, которую портье видел в руках предполагаемого убийцы, однако, в номере бутылки не оказалось. Не оказалось и презерватива, которым для соития с проституткой мог воспользоваться клиент. В подногтевом содержимом убитой женщины не было найдено частиц кожи и крови нападавшего, поэтому о его группе крови ничего определенного сказать не представлялось возможным.

Итак, чем же располагало следствие, что называется, «в сухом остатке»? Прямо скажем: немногим. Имелось сообщенное портье описание клиента, с которым Маргарет Дэвис поднималась в №7. Имелась кроме того карточка на поселение, заполненная от имени «Байрона Спинни» с несуществующим адресом; снять с неё приемлемые по качеству отпечатки пальцев криминалисты не смогли. В течение суток после убийства были найдены 4 свидетеля, видевшие убитую женщину поздним вечером 10 июля. Эти люди вместе в портье теоретически могли опознать убийцу, но для этого последнего следовало отыскать.

Искать же следовало белого мужчину в возрасте около 40 лет плотного сложения, ростом около 180 см и весом 90 кг или более, брюнета, зачёсывающего волосы на прямой пробор, без усов и бороды. Одет подозреваемый был в светло-серый полотняный костюм, светлую рубашку в широкую серую полосу, пиджак нёс в руках, узел галстука был ослаблен.

Вот такие приметы... Прямо скажем, в городе с населением в 450 тыс. человек мужчин, подходящих под такое описание, могло оказаться и 10 тыс., и 20 тыс., и даже 30. Искать можно было долго.

Оперативным обеспечением расследования занимались детективы «убойного» Отдела BPD Джона Донована, который следил за ходом их работы и докладывал о её результатах начальнику Департамента полиции. Ни Донован, ни его подчиненные не связывали убийство Маргарет Дэвис с другими убийствами женщин в Бостоне, произошедшими ранее летом 1962 г. Отличия были слишком разительны – Дэвис в отличие от Слесерс и Николс не была домохозяйкой-пенсионеркой, убита она была не в собственной квартире, а в гостинице, и задушили её не петлёй, а руками.

В первой половине 1960-х гг. в Бостоне убийства совершались в среднем один раз в неделю, т.е. в течение года от рук убийц погибали в среднем 50—55 человек. Из этого числа проститутки давали примерно 20% жертв, в каком-то смысле можно сказать, что для лиц данной профессии такова была «квота» на смерть. Кого-то из них убивали ударом ножа, кого-то душили, кто-то умирал от пули или побоев... С точки зрения лейтенанта Донована, смерть Маргарет Дэвис полностью соответствовала статистической норме, в произошедшей трагедии не было ничего необычного. Другими словами, если бы в ночь на 11 июля в отеле «Рузвельт» не убили бы эту женщину, то в ближайшие дни в другом притоне смерть нашла бы другую проститутку – это была всего лишь статистика, закон больших чисел...

Душное лето 1962 г. достигло своего апогея и безостановочно покатилося дальше.

Странные убийства продолжались.

21 августа 1962 г. Убийство Иды Ирги

Гарри Хэлперн (Harry Halpern) давно уже вышел из скаутского возраста и к 70 годам подрастерял юношескую прыть: плохо стал видеть и слышать, с трудом ходил, особенно много проблем доставлял подъём по лестницам. Тем не менее, на фоне своей старшей сестры Иды Ирги (Ida Irga) он смотрелся ещё молодцом. 75-летняя Ида не только плохо слышала и ходила, но с некоторых пор стала плохо ориентироваться в пространстве: забывала дорогу к дому, путала этажи и т. п. Самое неприятное заключалось в том, что она стала забывать закрывать входную дверь, гасить свет, перекрывать воду.

Младший брат договорился с сестрой, что та не будет уходить из дома одна, и взял за правило ежедневно звонить Иде, дабы убедиться, что с нею всё в порядке. Утром 19 августа они поговорили как обычно, Ида хорошо себя чувствовала и пребывала в хорошем расположении духа. На следующий день она трубку не подняла. Гарри в течение дня точно также безрезультатно позвонил ещё два или три, но не особенно встревожился, поскольку знал, что сестра могла лечь спать днём, отключив телефон. Однако 21 августа Гарри заволновался всерьёз и во второй половине дня стал названивать с интервалом буквально час-полтора. Несмотря на то, что сам он чувствовал себя далеко не лучшим образом, около 6 часов пополудни мужчина отправился к дому №7 по Гроув-стрит (Grove Street) в районе Бикон-Хилл (Beacon Hill).

Современная фотография дома №7 по Гроув-стрит. Дверь справа – вход в подъезд дома №5, дверь в центре – вход в дом №7, проём слева – спуск в магазин, расположенный в цокольном этаже дома №7. Гроув-стрит – это район сплошной застройки, дома там стоят стеной без проулков и газонов. Дом, в котором проживала Ида Ирга, обращён к улице всего 3 окнами. Здание тянется вглубь квартала и выходит в крохотный внутренний дворик-колодец, дна которого никогда не достигают солнечные лучи. Местечко довольно мрачное, напоминающее во многом петербургские дворы-колодцы. Именно в этот мрачный дворик и выходили окна квартиры, занимаемой Идой Иргой.

Это был центр Бостона, застроенный зданиями в английском стиле в 4—5 этажей из красного кирпича. Внутри кварталов находились небольшие мрачные дворы-колодцы, во всём напоминавшие собратьев из Санкт-Петербурга, без клочка зелени и лучика солнца на дне. Окна квартиры Иды выходили в крохотный Г-образный дворик и были обращены к стене соседнего дома №9. Расстояние до неё не превышало 4 м. Совсем рядом, на удалении буквально 20 м, располагался выход на поверхность тоннеля «красной» линии бостонского метрополитена, грохот поездов также не добавлял привлекательности жилью. Главным достоинством квартиры, занимаемой Идой, являлось то, что в летние дни в неё попадали солнечные лучи – именно поэтому пожилая женщина не желала менять место проживания. А к грохоту поездов метрополитена она давно привыкла!

Хэлперн располагал комплектом запасных ключей, поэтому никаких проблем с проникновением в квартиру сестры не возникло. Открыв дверь, Гарри моментально понял, что пришёл на место преступления, и Иде он помочь уже не в силах... Сохранив удивительное самообладание, Хэлперн набрал номер полицейского участка, сообщил об убийстве, после чего вышел из квартиры и стал дожидаться прибытия патруля.

В этом месте следует подчеркнуть, что в скором времени изложенная выше история обнаружения тела Иды Ирги претерпит некоторые изменения. Полиция официально заявит – и так будет считаться на протяжении более десятка лет – будто труп обнаружил двоюродный брат убитой, некий Эдвард Абенфейн (Edward Urbenfein), проживавший якобы в Роксбари, южном районе Бостона. Абенфейн на самом деле там не проживал и его «вписали» в эту историю единственно для того, чтобы обезопасить Гарри Хэлперна. Полицейские считали последнего важным свидетелем и опасались, что убийца может попытаться с ним расправиться. По этой же причине, кстати, полиция сообщила, будто сын убитой проживает в Нью-Йорке и не появляется в Бостоне, хотя на самом деле тот являлся профессором химии Массачусетского технологического института (сын носил фамилию, отличную от фамилии матери и отследить его было довольно проблематично). Лишь после смерти Хэлперна его вовлеченность в данную историю стала достоянием гласности.

Все эти детали отлично характеризуют неуверенность полиции Бостона в своих силах и непонимание того, кого именно она ищет. Расправа над свидетелями представляется чем-то в духе совсем уж крутого шпионского детектива, однако такой вариант рассматривался правоохранительными органами в то время как вполне вероятный.

Вернёмся, впрочем, к хронологии событий.

Первые полицейские прибыли на место совершения преступления в 19:47. Обстановка в квартире была столь шокирующей, что доклад об увиденном ими немедленно поступил Начальнику отдела расследования убийств Джону Доновану, а от него – начальнику полиции Бостона Эдмунду МакНамаре. Последний направил на Гроув-стрит лейтенанта Эдварда Шерри, а тот немедленно вызвал главного окружного судмедэксперта Майкла Луонго. В каком-то смысле повторился сценарий произошедшего 30 июня.

Тело Иды Ирги находилось в спальне на полу лицом вверх. Ноги женщины были подняты, частично согнуты в коленях, уложены на два стула и широко раздвинуты, расстояние между пятками составляло около 4 футов (примерно 1,2 м). Под поясницу убийца подложил диванную подушку, тем самым высоко подняв её. На убитой была надета кремового цвета ночная рубашка, разорванная от шеи до подола, половинки её были раздвинуты, полностью обнажая тело. Трусы были сняты и лежали на полу примерно в метре от трупа. На шее была туго затянута наволочка, снятая с одной из подушек, лежавших на кровати. Тело размещалось таким образом, чтобы оголенная промежность была обращена к двери в спальню, дверь же была оставлена открытой. Таким образом, вошедшему в квартиру человеку при взгляде в сторону спальни тело сразу же бросалось в глаза. Очевидно, преступник умышленно придал позе

трупа шокирующую непристойность и позаботился о том, чтобы труп нельзя было не заметить буквально с порога квартиры.

Изучение следов показало, что преступление произошло на кухне. Именно там на Иду напали и убили, и лишь после этого труп волоком оттащили в спальню. Женщина была сильно избита, ещё при осмотре трупа на месте совершения преступления доктор Луонго отметил следы кровотечения из обеих ушных раковин и глубокие рассечения кожи в волосистой части головы. Кроме того, кровь текла из носа и рта жертвы. Волосы, видимо, были полностью перепачканы кровью, хотя к моменту осмотра уже практически высохли. Оставленные волосами на полу кровавые разводы обозначали направление перетаскивания тела. Один гребень, выпавший из волос, по-видимому, при ударе в голову, был найден на кухне, второй – в гостиной, прямо в кровавом следе, оставленном волосами.

Окна в квартире оказались закрыты, а жалюзи опущены, в спальне на прикроватной тумбочке горел ночной светильник. Закат солнца на широте Бостона в 20-х числах августа происходит примерно в 18:40 по местному времени, очевидно, что свет в помещении надлежало включить прежде этого времени (поскольку закату предшествуют сумерки). Таким образом, убийца вряд ли появился в квартире Иды Ирги ранее 18:30. С этой оценкой прекрасно согласовывалось то, что убитая оказалась одета в ночную сорочку; женщина явно готовилась лечь спать, когда на пороге появился преступник.

Когда именно это произошло – 19 августа или 20? Доктор Майкл Луонго, ориентируясь по степени развития трупного окоченения и высыханию крови на полу и в волосах жертвы, уверенно заявил, что Ида Ирга убита ранее вечера 20 августа, т.е. 19 числа. Этот вывод отлично согласовывался с показаниями Гарри Хэлперна, утверждавшего, что 20 августа сестра телефонную трубку не поднимала.

Что пропало из квартиры? Ида Ирга не была состоятельной женщиной и не имела редких или драгоценных вещей и украшений, отсутствие которых можно было бы легко заметить. Квартира была обыскана, на что явственно указывали беспорядок, выдвинутые ящики комодов и тумбочек, разбросанные вещи и т. п. Но то имущество, которым она владела – вещи, обувь, предметы повседневного обихода – были совершенно стандартны и никакой особой ценности не представляли. Гарри Хэлперн затруднился с определением похищенного, точнее, он затруднился даже подтвердить факт хищения чего-либо из квартиры. Единственное, что с некоторыми оговорками можно было связать с действиями преступника, являлось отсутствие наличных денег. По словам младшего брата, Ида всегда держала в доме некоторую сумму наличных денег на мелкие непредвиденные расходы, обычно это была сумма в 20-30-40\$. Вечером 21 августа Хэлперн этих денег на их обычном месте не обнаружил. Их действительно мог забрать преступник, но нельзя было полностью исключать того, что сама же Ирга потратила заначку незадолго до смерти.

В общем, полной ясности в этом вопросе полицейские так и не добились.

Осмотр входной двери и замка показал, что преступник для проникновения в квартиру не пользовался грубой силой или отмычками. Это означало, что потерпевшая впустила злоумышленника добровольно. Сложно было представить ситуацию, при которой пожилая женщина, собирающаяся лечь спать и уже облачившаяся в ночную рубашку, открывает дверь неизвестному мужчине и впускает его в квартиру. Поскольку нападение началось на кухне, получалось, что Ида Ирга не только открыла входную дверь, но беспрепятственно позволила неизвестному пройти вглубь квартиры.

Судебно-медицинская экспертиза обнаружила на шее убитой женщины кровоподтёки и дефекты кожи двух видов: одни были оставлены пальцами и ногтями рук, другие – наволочкой. Это означало, что первоначально преступник душил жертву руками, а уже после этого использовал наволочку, которую затянул наподобие шейной косынки. Удерживая женщину за горло, преступник нанёс ей несколько сильных ударов в нижнюю челюсть, скулу, височную

область и теменную часть головы. Удары эти находились в левой части головы и лица и наносились правой рукой, в которой нападавший сжимал некое орудие – кастет или небольшую дубинку. Использование этого орудия привело к рассечениям кожи и обильному кровотечению³.

Помимо ударов в левую часть головы и лица, преступник нанёс несколько ударов и в правую, т.е. задействовал левую руку. Судя по кровоподтёкам, оставленным пальцами на горле, а также следам ногтей с обеих сторон шеи, убийца менял руку, которой осуществлял душение. Несложно понять, почему именно он это делал: задушить руками довольно сложно, для этого надо иметь сильные кисти рук и способность не снижать силу сжатия на протяжении нескольких минут. Это совсем не так просто, как может кто-то подумать, многие преступники, переоценившие силу своих рук, были разоблачены как раз потому, что потерявшая первоначально сознание жертва возвращалась к жизни и помогала разоблачить душителя. Нападавший на Иду Иргу явно знал специфические нюансы процесса удушения, а потому не ограничился сдавливанием шеи руками и для гарантированного умерщвления женщины воспользовался наволочкой.

Причиной смерти явилась механическая асфиксия, повреждения головы угрозу для жизни не представляли.

В крови убитой женщины не был обнаружен алкоголь, что следовало признать вполне ожидаемым, но зато было найдено снотворное. Последнее подтверждало сделанное ранее предположение о нападении в вечернее время, а не утреннее, поскольку вряд ли женщина приняла бы транквилизатор в начале дня.

Разумеется, большой интерес представлял ответ на вопрос о возможном изнасиловании убитой женщины. Судебно-медицинская экспертиза обнаружила надрывы половых губ и потёртости слизистых оболочек, свидетельствовавшие о грубых манипуляциях; также имелись повреждения ректума. Кровотечение доказывало прижизненность всех этих травм. Однако спермы не было найдено ни на теле жертвы, ни в его полостях, ни на одежде убитой. Экспертиза не могла однозначно определить, послужил ли причиной травмирования грубый половой акт или же повреждения явились следствием применения насильником некоего инородного предмета в качестве «сексуальной игрушки».

Время наступления смерти экспертиза отнесла к вечеру 19 августа, подтвердив тем самым предположительную оценку, сделанную доктором Луонго при осмотре тела на месте преступления.

Полиция приложила большие усилия для обнаружения лиц, видевших или слышавших нечто подозрительное в вечерние часы 19 августа.

Некоторые из жильцов дома сообщили о незнакомых мужчинах, замеченных на лестнице, но сообщенные приметы оказались до того несхожи, что становилось очевидно – свидетели говорят о разных людях. Двоих из них удалось установить – это были родственники проживавших в доме №7 людей, проверка их alibi затруднялась тем, что точное время убийства Иды Ирги не было известно. Эти люди привлекли к себе пристальное внимание полиции, некоторое время проверялись, но в конечном итоге очистились от всех подозрений. Можно сказать, отделались малой кровью.

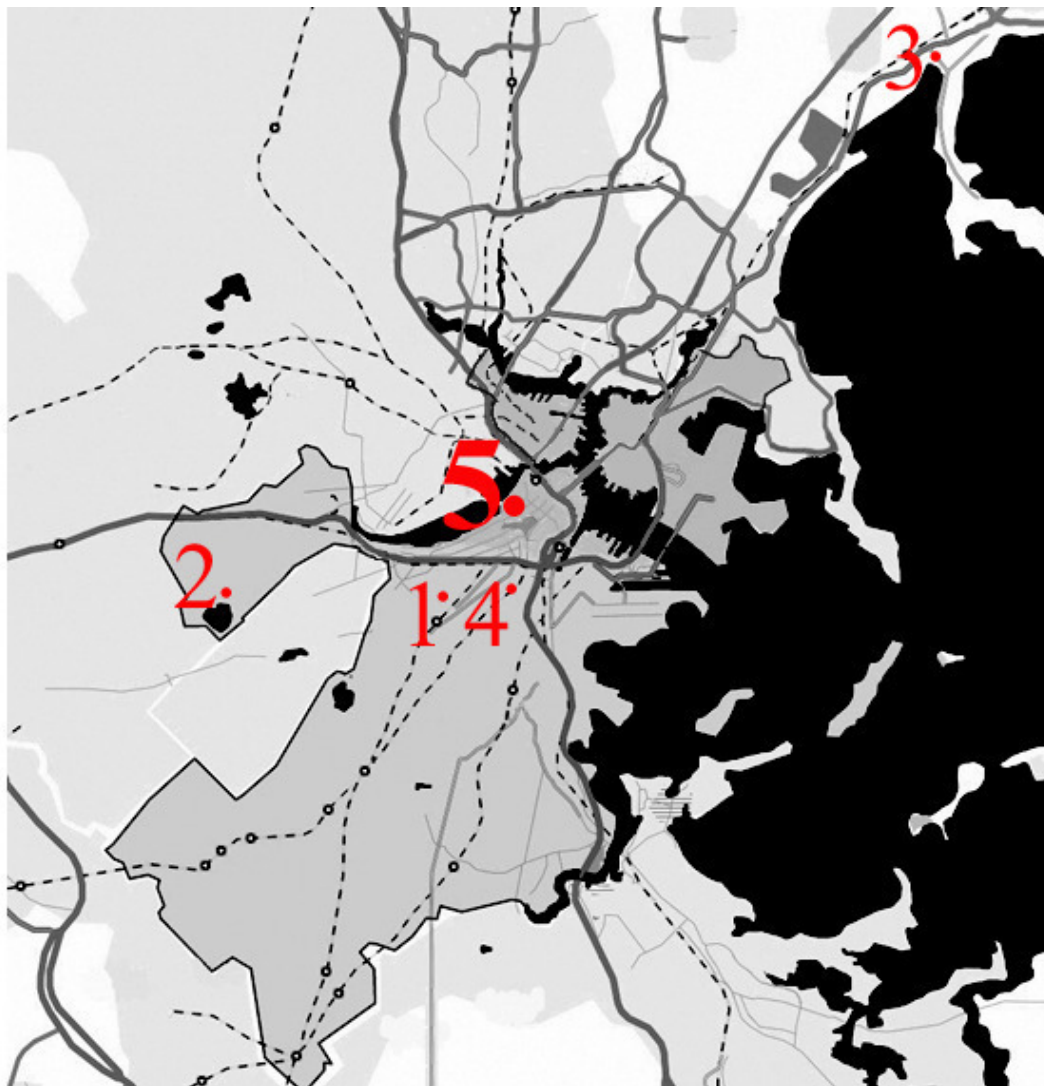
Ещё двое или трое мужчин, описания которых были сообщены жителями дома, разыскивались полицией, но личности их так и не удалось установить.

Криминалисты, работавшие на месте убийства Иды Ирги, приложили большие усилия к тому, чтобы обнаружить физические улики, способные связать преступника с кварти-

³ Обильное кровотечение из сравнительно небольших ран на голове и лице не должно удивлять. С точки зрения человеческой анатомии голова является важнейшей частью тела, пронизанной густой сетью кровеносных сосудов разной степени наполнения. Порой даже незначительная рана даёт обильное кровотечение, которое весьма трудно остановить. Любители спорта, например, хорошо знают, что боксёрские поединки приходится порой прекращать из-за невозможности врачей остановить кровотечение из рассеченной брови.

рой жертвы. Идеальной уликой в этом смысле представлялся бы отпечаток пальца, запачканного кровью жертвы; очень убедительно в суде выглядел бы также окровавленный отпечаток обуви... Но – увы! – преступник оказался очень аккуратен!

Хотя крови на месте преступления было довольно много, убийца умудрился не «наследить». Хотя кровь на него явно попадала – об этом свидетельствовало куски бумажного полотенца с бледно-розовыми разводами, найденные на кухне. Криминалисты, изучив их, пришли к выводу, что убийца после умерщвления жертвы вымыл руки и вытер их бумажным полотенцем. Возможно, он после этого надел перчатки, чтобы действовать увереннее и гарантированно защитить себя от риска оставить ненароком отпечатки пальцев.

План Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения летом 1962 г. Цифрами обозначены места убийств: 1 – Анны Слесерс 14 июня, 2 – Нины Николс 30 июня, 3 – Хелен Блэйк в Линне (также 30 июня), 4 – Маргарет Дэвис в ночь на 11 июля. Жирная цифра 5 обозначает расположение дома №7 по Гроув-стрит, в котором вечером 19 августа 1962 г была задушена Ида Ирга. Расстояние между 1 и 5 – около 2,7 км, а между 2 и 5 – немногим более 7,5 км.

В надежде получить отпечатки пальцев, которые в дальнейшем удастся связать с каким-либо подозреваемым, криминалисты обследовали всю квартиру. В итоге им удалось обнаружить более 70 полных или частичных отпечатков пальцев и ладоней, часть из них принадле-

жала убитой, некоторые отпечатки происходили от её младшего брата, другие же так и не удалось связать с лицами, попавшими в поле зрения следствия.

Нет оснований считать, что расследование велось вяло или формально – детективы Отдела расследований убийств затратили много сил и времени на розыск преступника, однако все их усилия успехом не увенчались. Убийца Иды Ирги ускользнул от правосудия. По результатам полицейской работы никто не был задержан и никто не был обвинён в совершении этого дерзкого кровавого злодеяния.

22 августа 1962 г. Рождение легенды

На следующий день после обнаружения тела – т.е. 22 августа 1962 г. – в одной из самых популярных местных газет «The Boston globe» появилась статья с говорящим заголовком «Вдова становится 5-й жертвой душителя» («Widow 5-th victim of strangler»). В тот день фактически произошло рождение «Бостонского Душителя», серийного убийцы, ведущего охоту на одиноких женщин, наводившего ужас на город в течение многих месяцев. Правда, поначалу таинственного изувера называли «Фантомом», но в криминальную историю США и всего мира он вошёл именно как «Бостонский Душитель».

Рождение данного феномена оказалось для правоохранительных органов Бостона и всего штата Массачусетс до некоторой степени неожиданным. Ни до, ни после этой даты ни полиция, ни прокурорские органы вовсе не считали, что убийства Анна Слесерс, Нины Николс, Хелен Блейк, Маргатер Дэвис и Иды Ирги совершены одним человеком. Впрочем, если совсем уж строго следовать хронологии, то можно упомянуть, что уже в начале июля 1962 г., т.е. после убийства Хелен Блэйк, журналисты стали высказывать предположения о существовании связи между различными преступлениями, но домыслы эти представителями власти комментировались крайне неохотно. Причин для сдержанности было несколько, причём совершенно разного свойства.

Американские масс-медиа фактически выдумали Бостонского Душителя, причём мы можем с точностью до дня сказать когда именно это произошло – 22 августа 1962 г. Ни до, ни после этой даты правоохранительные органы штата Массачусетс не признавали факт существования Душителя, но для журналистов это не имело особого значения. Ссылаясь друг на друга, они принялись писать и говорить о Душителе так, словно его существование уже стало доказанным фактом. На фотографии прекрасный тому пример – заметка в небольшой местной газетке с говорящим заголовком «Обнаружена пятая жертва. Полиция Бостона ищет Душителя», причём автор заметки ссылается не на полицейский пресс-релиз, а на... сообщение информационного агентства UPI (United Press International).

Представители правоохранительного сообщества вполне обоснованно опасались возникновения массового психоза и неизбежной паники. Помимо этого, причастные к проводив-

шимся расследованиям старались избежать разглашения тайны следствия и связанных с этим неизбежных проблем (появление имитаторов, самооговоров сумасшедших, бегства настоящих преступников и пр.). Да и доводы журналистов, с точки зрения всех, знакомых с деталями проводившихся расследований должностных лиц, выглядели, что называется, притянутыми за уши.

Строго говоря, все 5 перечисленных преступлений объединяло только то, что жертвами явились пожилые женщины, смерть которых последовала в результате удушения. Всё! Далее начинались различия, причём весьма важные с точки зрения криминологии и виктимологии. Вкратце их можно суммировать следующим образом:

- Из 5 убитых женщин домохозяйками являлись 4, а одна (Маргарет Дэвис) – опустившейся проституткой;

- Все домохозяйки были убиты в собственных жилых помещениях, а проститутка – в гостиничном номере;

- Убийца обманом проникал в жилища домохозяек, а с проституткой познакомился в общественном месте и в её обществе явился в гостинцу;

- Во всех 4 случаях убийств домохозяек преступник на шеях жертв оставлял завязанными нечто, что условно можно назвать «косынкой» или «шейным платком» (чулки, бюстгалтер, наволочку от подушки и т.п.). В случае же убийства Маргарет Дэвис ничего подобного обнаружено не было. Это означало, что преступник действовал исключительно функционально – задушил жертву руками и тут же позабыл о ней. В других 4 случаях убийцы «играли с телом», возможно, довольно продолжительное время.

Отмеченные выше нюансы позволяли детективам объективно и однозначно отделить убийство Маргарет Дэвис от прочих случаев удушения пожилых женщин и считать его никак с ними не связанным.

Далее.

Случаи убийств пожилых домохозяев – Анны Слесерс, Нины Николс, Хелен Блэйк и Иды Ирги – также заставляли подозревать действия нескольких лиц. Для этого имелось несколько доводов:

- Во-первых, убийства Нины Николс и Хелен Блэйк были совершены в один день с интервалом в несколько часов. Места убийств были удалены друг от друга более чем на 20 км. Казалось крайне маловероятным, что один и тот же человек умудрился совершить два сложных по реализованному сценарию преступления почти одновременно.

- Во-вторых, хотя убийства домохозяек выглядели довольно схожими, на самом деле это было не совсем так. В случаях умерщвления Нины Николс и Иды Ирги преступник явно преследовал цель шокировать того, кто найдёт тело. Для этого труп обнажался и размещался так, чтобы его было легко заметить от входной двери. В случае с Анной Слесерс всё было совершенно иначе: телу женщины не придавали непристойной позы и, хотя она была обнажена, беспорядок в одежде выглядел случайным. Кроме того, тело находилось в тёмном узком коридоре у ванной комнаты, в целом же, место преступления выглядело естественным. Лучшим доводом в пользу этого служит то, что сын, появившийся на месте преступления первым, не заподозрил убийства. Более того, даже приехавшие по его вызову полицейские точно так же не подумали, что имеют дело с преступлением (один из них на сей счёт даже пари предложил детективу Отдела убийств).

Поэтому, хотя по формальным признакам эти преступления казались весьма схожи (тела обнажены, в квартирах – следы обыска при отсутствии отпечатков пальцев, замки без следов взлома и пр.), тем не менее, основания приписывать их совершение разным людям существовали. Сам по себе обыск квартиры или его имитация не является каким-то уникальным или даже редким элементом криминального поведения, многие убийцы так поступают, руководствуясь самыми разными соображениями.

Поэтому к концу лета 1962 г. убийства 5 пожилых женщин, совершенных в Бостоне и Линне, не связывались с активностью одного преступника и расследовались отдельно.

31 августа 1962 г. Убийство Джейн Салливан

Последние дни августа Деннис Махони (Dennis Mahoney), 42-летний инженер-электрик, провёл в обстановке крайнего нервного напряжения. Ему предстояла плановая хирургическая операция, но перед тем, как лечь в больницу, Деннису необходимо было уладить все дела на работе. В дни последней декады месяца он был очень загружен, а тут – как назло! – на него наехала матушка, потребовавшая, чтобы Деннис съездил к её сестре, Джейн Салливан, и узнал, всё ли с нею в порядке. От Джейн уже несколько дней ничего не было слышно – она не звонила и не поднимала трубку телефона – а потому младшая сестра беспокоилась о её здоровье. При этом сама она к Джейн ехать не собиралась, а посылала сына, у которого на это не находилось ни времени, ни сил.

Несколько дней Деннис отговаривался чрезвычайной занятостью по работе, но 31 августа матушка закатила истерику по телефону. Деннису пришлось отпроситься с рабочего места на пару часов, чтобы, наконец-то, выполнить её поручение. Сразу после 15 часов мужчина поднялся в квартиру на втором этаже дома №435 по Коламбия-роад (Columbia Road), постучал в дверь и, поскольку никто не отозвался, открыл замок своим ключом.

Первое, на что Деннис Махони, войдя в квартиру, обратил внимание, был странный и очень неприятный запах, похожий на те, что бывают в плохо проветриваемых помещениях, надолго оставленных людьми. Мужчина решил, что запах объясняется закрытыми окнами... Быстро пройдя в гостиную, а затем в спальню, Деннис отметил, что все предметы находятся на своих местах и обстановка в комнатах выглядит в целом непотревоженной. Это до некоторой степени успокоило мужчину, он решил, что тётя была госпитализирована несколькими днями ранее.

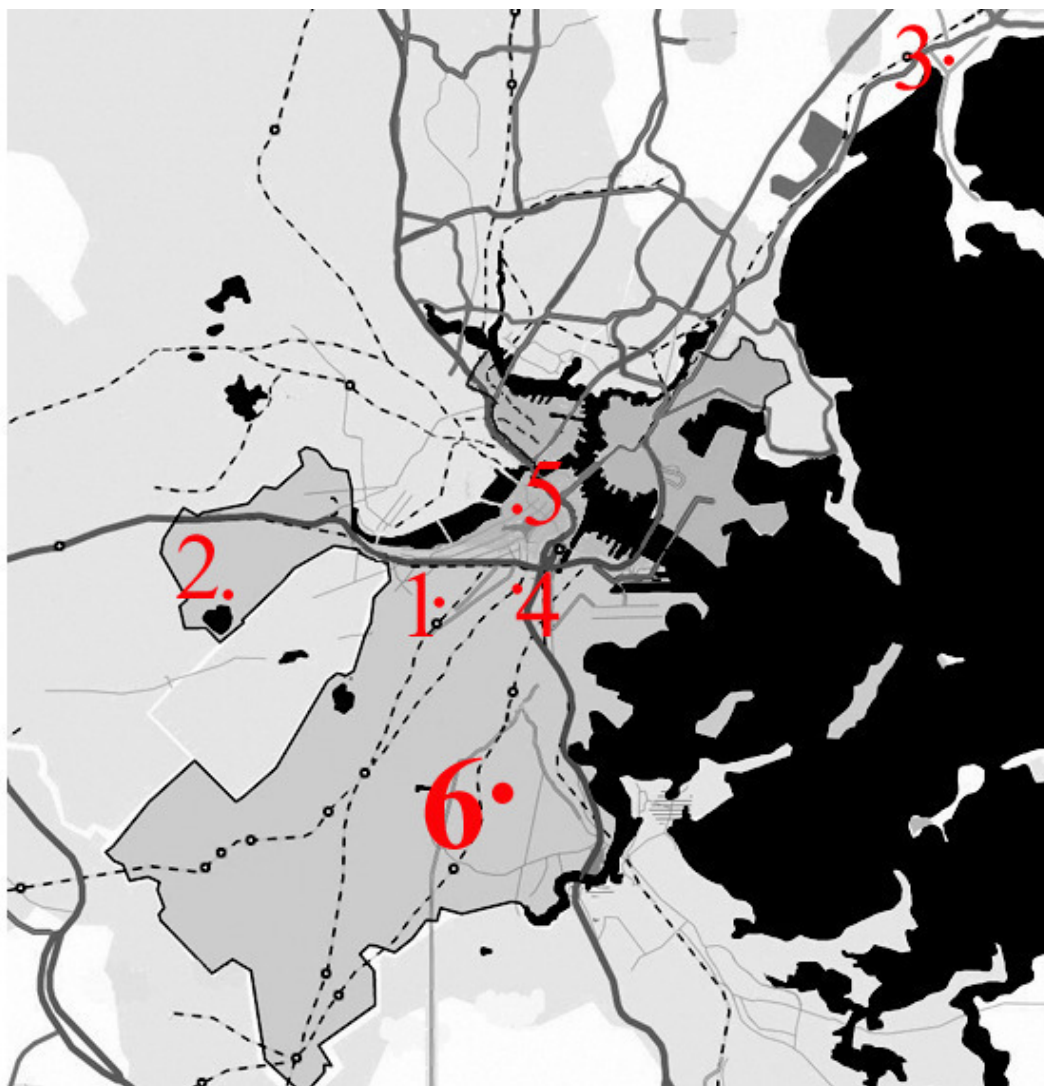
В поисках записки, которую Джейн Салливан могла оставить перед отъездом в больницу, Деннис прошёл по квартире. Он увидел раскрытую сумочку тётки, содержимое которой оказалось частично рассыпано по дивану в гостиной, а частично осталось в сумочке. Это можно было объяснить торопливостью при поиске лекарства.

Но в кухне на полу мужчина обнаружил мелкие блестящие брызги и разводы, оставленные как будто бы чернилами. Они были сухими и казались очень тёмными, намного темнее крови, однако у Денниса ёкнуло сердце, и он принялся осматривать квартиру более внимательно: заглянул под кровать в спальне, в шкафы, за диван в гостиной. И лишь после этого открыл дверь в ванную комнату.

Там он увидел труп Джейн Салливан. Тело находилось в ванне на спине, голова располагалась точно под краном, ноги же были подняты и уложены пятками на противоположный бортик. Трусы были сдвинуты в область лодыжек, бюстгальтер находился на полу. Торс был прикрыт брошенным сверху халатом. В ванной была набрана вода, немного, сантиметров 15, не больше.

В воздухе висел удушливый смрад разлагающейся плоти – именно этот запах уловил Деннис, войдя в квартиру. Его распространению до некоторой степени препятствовала закрытая дверь, а потому в комнатах он ощущался не очень сильно.

Махони понял, что находится на месте совершения преступления, поскольку неестественность позы трупа была довольно очевидной. Чтобы не уничтожить возможные отпечатки пальцев преступника, Деннис поднял телефонную трубку, используя носовой платок; позвонив в ближайший отдел полиции, он сообщил о случившемся и вышел встречать патруль.

План Большого Бостона со схематичным указанием мест убийств женщин посредством удушения летом 1962 г. Цифрами обозначены места убийств: 1 – Анны Слесерс 14 июня, 2 – Нины Николс 30 июня, 3 – Хелен Блэйк в Линне (также 30 июня), 4 – Маргарет Дэвис в ночь на 11 июля, 5 – Иды Ирги 19 августа. Цифрой 6 условно обозначено место проживания Джейн Салливан, задушенной 21 августа. Локализация мест совершения преступлений довольно любопытна: если с карты убрать точки 3 и 4 (преступления по этим адресам, по-видимому, никак не связаны с прочими убийствами), то из точек 2, 5 и 6 сложится почти правильный треугольник. Из точки 1 расстояния до других мест совершения преступлений окажутся примерно одинаковыми: до точки 2 около 5,5 км, до точки 5 – 2,7 км, а до точки 6 – 3,3 км. Если считать, что многоэпизодные преступники начинают совершать свои деяния в районах, близких к месту проживания, а потом постепенно отдаляются от них, то получится, что убийца пожилых женщин жил где-то в Бэк-Бэе, в районе Гейнсборо-стрит. После убийства Анны Слесерс этот человек стал совершать вылазки в радиальных направлениях, причём, скорее всего, перемещался он не на автомашине, а пешком. Или, как вариант, на велосипеде...

Осмотр квартиры привёл к обнаружению следов крови на полу и мебели в кухне, на ковровом покрытии в гостиной, а также в ванной. Причём в ванной комнате смазанные кровавые отпечатки оказались как на полу, так и на вентиле крана. Последнее представлялось особенно важным, ведь кровь на вентиле явно была оставлена окровавленной рукой убийцы! Также криминалисты внимательно изучили открытую сумочку убитой женщины, поскольку этот предмет

оказался одним из немногих, вызвавших интерес преступника. Были обнаружены два следа, явно оставленных пальцами, однако папиллярных линий на них не просматривалось. Это означало, что преступник действовал в перчатках.

Квартира, по-видимому, не подвергалась преступником тщательному обыску. Что послужило тому причиной – нежелание, нехватка времени или нечто, вспугнувшее убийцу – сказать никто не мог, однако факт оставался фактом: место преступления своим видом сильно отличалось от квартир, в которых проживали убитые ранее в Бостоне пожилые женщины.

Осмотр замка входной двери не привёл к обнаружению следов взлома, дверная цепочка была снята... Дверь явно открывали штатно, без приложения грубой силы или отмычек. Преступник либо располагал ключом от замка, либо уговорил Джейн Салливан впустить его.

Когда же и как именно женщина была убита?

Способ умерщвления Джейн стал очевиден после того, как с тела убрали положенный сверху халат. На шее оказались туго затянуты два нейлоновых чулка, а багрово-кирпичный цвет лица свидетельствовал о том, что чулки завязывались на шее ещё живой женщины.

Вопрос же о давности наступления смерти требовал куда более тщательной проработки специалистами. Трупное окоченение полностью исчезло, что однозначно указывало на то, что женщина была убита более 72 часов назад. Однако насколько больше, сказать было сложно: состояние тканей оказалось плохим, процесс гниения уже развился, что следовало признать ожидаемым, принимая во внимание температуру окружающей среды. Уже при осмотре тела на месте его обнаружения судмедэксперт предположил, что смерть могла наступить за неделю или даже ранее, что последующее исследование и подтвердило. По мнению coronera, смерть Джейн последовала 20 или 21 августа, детективы же опросом соседей и родственников выяснили, что вечером 20 числа женщина была ещё жива, а потому преступление произошло, по-видимому, именно 21 августа.

В волосистой части головы справа было обнаружено обширное рассечение кожи длиной около 4,5 дюймов (т.е. 11 см). Рана достигала кости и была прижизненной. Именно она дала то обильное кровотечение, следы которого остались в кухне. Удар по голове был нанесён явно не голой рукой, преступник воспользовался неким орудием. Изучив рану, судмедэксперт уверенно предположил, что убийца воспользовался дубинкой либо обрезком трубы, т.е. предметом, имевшим некоторую протяженность и лишенным граней. Ничего похожего при осмотре квартиры найдено не было, что означало одно – убийца унёс орудие преступления. Ранение не было смертельным, непосредственной причиной смерти Джейн явилась механическая асфиксия, причём преступник не душил жертву руками, а использовал в качестве гарроты чулки, наброшенные на шею.

Судмедэкспертиза не выявила признаков анальной или вагинальной травмы. На вопрос о том, имел ли место половой акт с жертвой незадолго до гибели, ответить не представлялось возможным ввиду плохого состояния тела.

Следов сопротивления нападению на теле не оказалось, что легко можно понять, приняв во внимание возраст убитой женщины – 67 лет – и наличие травмы головы. Трудно представить, чтобы пожилая женщина, получив удар обрезком трубы в височно-теменную область, могла сопротивляться. Такой удар и крепкого мужчину отправит в нокаут, что уж тут говорить о женщине...

Цель нападения осталась для правоохранительных органов неясной. Очень вероятным выглядело предположение о том, что преступнику что-то помешало полностью реализовать замысел, и он оказался вынужден спешно покинуть квартиру. Напугать его мог стук в дверь, слишком долгий телефонный звонок или нечто в этом духе. Полиция приложила много усилий для того, чтобы отыскать человека, безрезультатно звонившего Джейн Салливан по телефону или стучавшего в её дверь 21 августа, однако найти его не удалось. Если такой человек и суще-

ствовал, то либо не захотел, либо не смог помочь правоохранителям. А жаль, его показания могли бы уточнить время совершения убийства.

Приступившие к расследованию детективы Отдела расследования убийств полиции Бостона довольно быстро сосредоточились на проверке двух весьма перспективных версий.

Первая из них была связана с тем, что Джейн переехала в дом №435 по Коламбия-роад 1 июля 1962 г., т.е. за 6 недель до смерти, что выглядело до некоторой степени подозрительно. Мог ли переезд каким-то образом повлиять на судьбу женщины? Быть может, преступник бывал в этом доме ранее и обратил внимание на новое лицо? Или злоумышленник каким-то образом был связан с переездом, скажем, работал грузчиком и носил мебель, или менял замок во входной двери после того, как в квартиру въехала Джейн? Ведь как-то же он попал в квартиру пожилой малообщительной дамы...

Другая версия также отчасти была связана с домом №435. Летом 1962 г. в здании проводились кровельные работы, которые начались в июне и с некоторыми перерывами продлились до начала августа. Рабочие стали свидетелями переезда Джейн Салливан, они могли ходить по дому, не вызывая подозрений жильцов, им не составляло труда узнать точную планировку этажа и выяснить место проживания Джейн. Другими словами, если среди рабочих находился злоумышленник, то он имел прекрасную возможность совершенно незаметно провести разведку объекта.

Оба направления расследования были надлежащим образом отработаны полицией. Удалось обнаружить и допросить всех, причастных к переезду Джейн и ремонтным работам в доме, среди них оказались три прежде судимых мужчины. Надлежащим образом их alibi было проверено и нашло надёжное подтверждение.

Одна из самых серьёзных головоломок, порожденных серией удушения женщин в Бостоне в первой половине 1960-х гг, связана со способом проникновения преступника (или преступников) в квартиры жертв. Криминалисты всегда обращали внимание на состояние дверей и замков и в каждом случае их обследование наводило на мысль о добровольном открытии изнутри. Как злоумышленник убеждал потенциальную жертву отворить дверь? Ссылки на неотложные сантехнические работы могли сработать не во всех случаях, поскольку жертвы открывали двери, оставаясь в пеньюарах. Кроме того, Нина Николс, например, должна была в скором времени уйти из квартиры. Та лёгкость, с какой преступник проникал в жилища немолодых женщин, заставляла подозревать нетривиальные «заготовки». Полицейские отработывали версии, связанные с принадлежностью преступника к медицинскому персоналу, личное знакомство с жертвами и т. п. Детективы искали любые связи между задушенными женщинами: общие места лечения, посещение одной церкви, наличие схожего хобби, одинаковые привычки проведения досуга, наличие общих знакомых и пр.

В рамках расследования убийства Джейн Салливан никто не был задержан и никому официально обвинения не предъявлялись. Работа полиции по оперативному сопровождению расследования результатов не принесла. К середине сентября 1962 г. стало ясно, что у правоохранительных органов ничего по этому делу нет: ни улик, ни ценных свидетельств, ни подозреваемых, ни даже ясного понимания мотива убийства. Преступление стало «висяком» без каких-либо серьёзных шансов на раскрытие.

Для того, чтобы столкнуть расследование с «точки замерзания», должно было произойти нечто непредсказуемое, не связанное с самим расследованием. Должны были появиться новые улики или новые свидетели, вот только никто не знал, какие обстоятельства должны привести к их появлению. Оставалось только ждать и надеяться. Либо не ждать и уже не надеяться...

Часть II. Криминальное макраме: петли, зигзаги, непонятный рисунок...

Персональная война Эдмунда МакНамары

Лето 1962 г. закончилось. Бостон явственно погружался в полосу страха и взаимного отчуждения. Местные газеты и телевидение уже открыто сообщали о появлении в городе сексуального маньяка, а представители правоохранительных органов если и выражали несогласие с этим, то неуверенно и без настойчивости. В этой обстановке горожан мало интересовали даже действительно сенсационные события и происшествия, вроде окончания в августе 1962 г. проходки автомобильного тоннеля под горой Монблан в Альпах или последовавшая вечером 5 августа подозрительная смерть Мэрилин Монро. Даже прокатившаяся после этого по территории США волна самоубийств вряд ли взволновала жителей Бостона и ближайших окрестностей – в сентябре и октябре наибольший интерес вызывали сообщения другого рода.

Полицейские и частные детективы в телешоу и газетных интервью давали советы, как лучше пожилым женщинам обезопасить себя. Например, рекомендовалось завести собаку, которая если и не защитит от таинственного Фантома, то, по крайней мере, поднимет шум и заставит душителя поскорее ретироваться. После этого доброго совета собачьи питомники как в Бостоне, так и на территориях прилегающих округов – Эссекса (Essex), Норфолка (Norfolk) и Миддлсекса (Middlesex) – моментально опустели. Много советов давалось относительно повышения безопасности жилищ, и с прилавков магазинов скобяных товаров сметались замки, глазки, дверные цепочки, усиленные петли, а бостонские плотники деятельно заменяли двери и ставили укрепленные дверные коробки. Женщинам всерьёз рекомендовалось ознакомиться с приёмами самозащиты, и к местным гуру каратэ и у-шу направлялись толпы домохозяек, намереваясь овладеть за пару занятий великим таинством вырывания кадыков, выбивания глаз и спасительных ударов в пах.

Какова была практическая ценность всех этих советов, сказать очень сложно. По мнению автора, она стремится к нулю, поскольку во всех случаях нападений на пожилых женщин летом 1962 г. преступник (или преступники) для проникновения в жилище не прибегал к грубой силе. Какова ценность усиленных петель, нового замка и стальной накладки на дверной коробке, если жертва впускает злоумышленника добровольно? Какова польза от собаки, если по просьбе злоумышленника жертва запрет её в туалете или ванной комнате? Какую практическую пользу принесёт сложенное в шифоньере кимоно, если женщина никогда не дралась и не имеет навыка практического спарринга с противником большего веса и роста? Да ни малейшего толку от всех этих ухищрений не будет!

Трудно отделаться от ощущения, что на всех этих советах по самозащите кто-то неплохо зарабатывал. Во всяком случае, торговцы скобяными изделиями зарабатывали точно – их товар разлетался как горячие пирожки на морозе. Само собой, наживались и журналисты – шакалы пера и микрофона сеяли панику не без умысла, ведь чем больше страха и неопределённости, тем выше потребность в свежих новостях. Не следует недооценивать «индустрию новостей» в США – в первой половине 1960-х гг. это была вполне себе индустрия без всяких кавычек, от обильного стола которой кормились могущественные магнаты. Из дальнейшего хода повествования мы увидим, что торговцы и медиамагнаты являлись отнюдь не единственными выгодоприобретателями от нарождавшейся криминальной сенсации.

А что же бостонская полиция? Выше уже сообщалось, что детективы обеспечивали оперативное сопровождение расследования убийств, работали много и энергично, но какова была

стратегия руководства на уровне города и штата? Быть может, кто-то из высокопоставленных офицеров предлагал создать межведомственный штаб для консолидации сил правоохранительных учреждений или продвигал иные инициативы?

Тут мы подходим к очень интересному вопросу, с которым непременно нужно разобраться. Полиция Бостона в 1962 г. переживала очень непростой этап в своей истории, пожалуй, один из самых драматичных, и без правильного понимания реалий того времени невозможно оценить все нюансы расследований описанных в этой книге убийств.

Вплоть до марта 1962 г. Департамент полиции Бостона находился в подчинении Губернатора штата Массачусетс. Тем самым подчёркивался высокий статус этой правоохранительной структуры. Губернатор Джон Энтони Вольпе (John Anthony Volpe), занявший высокую должность в результате победы на выборах в конце 1960 г., вряд ли стал бы менять существовавший до него порядок вещей, но ряд в высшей степени скандальных событий подтолкнул его к действиям, имевшим далеко идущие последствия.

Полиция Бостона была сильно коррумпирована, что не являлось тайной за семью печатями для власти и горожан, но истинные масштабы гниения правоохранительной системы мало кто представлял. Телевизионный канал CBS весной 1961 г. заказал журналистское расследование «крышевания» бостонской полицией сети подпольных букмекерских контор. Одно из таких незаконных учреждений находилось в магазине Шварца в доме №364 по Массачусетс-авеню (Massachusetts Avenue). Журналисты сняли квартиру в доме напротив и организовали пост круглосуточного наблюдения. В картонной коробке для обедов, установленной на подоконнике, была спрятана кинокамера, фиксировавшая не только входивших и выходивших из магазина, но и букмекерскую стойку в глубине зала.

Первая съёмка была произведена 30 мая 1961 г. На протяжении лета и осени журналисты Уолтер Кронкайт (Walter Cronkite) и Джей МакМаллен (Jay McMullen) зафиксировали поток из многих сотен жителей Бостона, совершенно открыто приходящих в букмекерскую контору и делавших ставки. Помимо обычных горожан появлялись и полицейские – как в штатском, так и в форме – также делавшие ставки или разговаривавшие с букмекерами. Однажды у дверей магазина загорелся мусорный бак – полицейские в форме спокойно прошли мимо, не потрудившись вызвать пожарных, что являлось откровенным манкированием служебными обязанностями.

Дальше стало только интереснее. Журналисты сообщили о существовании в магазине нелегальной букмекерской конторы в казначейство штата, выполнявшее функции налогового органа. 27 сентября сотрудники казначейства совершили рейд, закрыли контору и конфисковали картотеку. Однако ровно через неделю контора возобновила свою работу, а утраченная картотека оказалась полностью восстановлена. Чудеса на этом не закончились. Журналисты повторили фокус, сделав соответствующее заявление в полицию штата. 27 октября в доме №364 по Массачусетс-авеню появились её представители и вновь изъяли кассу, вывезли картотеку и задержали букмекеров.

Журналисты обратились за комментариями к должностным лицам, ответственным за контроль соблюдения законодательства об азартных играх. Последние наговорили много чего интересного, например, полковник полиции штата Карл Ларсон заявил, что лично 4 раза сообщал начальнику полиции Бостона Лео Салливану (Leo J. Sullivan) о творящихся на подконтрольной ему территории нарушениях закона, а Салливан все эти обращения игнорировал.

В общем, материал у журналистов получился взрывной, фактически речь шла о коррупции высшего полицейского руководства BPD. Когда о подготовке передачи стало известно в Массачусетсе, на администрацию CBS было оказано давление с целью воспрепятствовать обнародованию собранных Кронкайтом и МакМалленом данных. В итоге, жители штата этой передачи так и не увидели, зато её увидели жители остальной территории США.

Скандал вышел чудовищный! Самое забавное, что руководитель BPD Лео Салливан, занимавший свою должность с 1957 г., отказался уходить в отставку и пошёл на прямой конфликт с Губернатором. Последний объявил об увольнении Салливана через суд и подаче соответствующего судебного иска. Для этого была нанята самая дорогая адвокатская контора в штате.

Салливан оказался мужиком упертым и наглым, кроме того, он явно чувствовал за собой какую-то серьёзную поддержку. Во всяком случае, губернаторского «наезда» он не испугался и смело пошёл в суд. За возникшей тяжбой в первые месяцы 1962 г. внимательно следил весь штат. Судебное шоу стоило того, чтобы о нём почитать, в суде не просто трясли грязным бельём – там им разбрасывались! Джон Вольпе, Губернатор штата, в какой-то момент, видимо, усомнился в собственном успехе; опасаясь, что от настырного Лео Салливана избавиться не удастся, он стал добиваться переподчинения Департамента полиции Бостона городской администрации. Тем самым BPD должен был лишиться своего особого статуса.

Впрочем, как показали дальнейшие события, Губернатор несколько перестраховался. Суд завершился довольно неожиданно. Может быть, Лео и был внутренне готов к ушатам грязи, которым предстояло пролиться на его голову в суде, но объём компромата явно превзошёл его ожидания. Салливану поставили в вину не только то, что он отказался увольнять сотрудников полиции, попавших на киноплёнку Кронкайта и МакМаллена – что можно было ещё как-то объяснить – но и многое другое. Например, увольнения или понижения в званиях честных сотрудников полиции, шедших на конфликт с зарвавшимся шефом. Таковых оказалось очень много, счёт шёл на многие десятки. А после того, как в ходе слушаний были обнаружены многочисленные факты финансовых злоупотреблений Салливана, в частности его участие в страховом бизнесе и грубейшие нарушения при заключении контрактов на ремонтные работы в интересах Департамента полиции, настырный Лео сдался и заявил о «добровольном» уходе в отставку, не дожидаясь судебного решения. Интересный, конечно, у человека характер, что и говорить... Ушёл бы сразу, избежал бы ушатов помоев и сохранил бы хоть отчасти собственную репутацию. Но нет, человек простых путей явно не искал!

Отставка Лео Салливана состоялась 15 марта 1962 г.⁴ и Департамент полиции Бостона на несколько недель остался без руководителя.

Далее ситуация стала развиваться несколько анекдотично. Губернатор штата заявил о том, что видит в роли главы BPD Лео Лафлина (Leo L. Laughlin), главу отделения ФБР в Бостоне. Это был известный службист, отдавший Бюро 27 лет жизни, поработавший в годы Второй Мировой войны как в разведке, так и контрразведке⁵. Трудно сказать, что двигало Губернатором, когда он делал своё заявление и согласовывал ли он его с самим Лафлином, но последний неожиданно для всех отказался возглавить Департамент полиции Бостона. Возникла неловкая пауза, которой воспользовался Генеральный суд Массачусетса (Massachusetts General Court), напомнивший губернатору о его собственной инициативе по переподчинению BPD администрации Бостона. Дескать, вы же сами отказались от права назначать главного полицейского, так куда же лезете?

Губернатору Вольпе пришлось согласиться с мнением судей и умыть руки. Однако Джон Коллинз, мэр Бостона, во второй половине марта 1962 г. на рабочем месте отсутствовал – он набирался сил на курорте в Италии. Вряд ли его обрадовало свалившееся на голову суетное

⁴ Чтобы закончить рассказ о Лео Салливане, сообщим, что борьба с Губернатором в конечном итоге вышла ему боком. В апреле 1962 г. он перенёс инфаркт, а менее чем через год – 1 февраля 1963 г. – умер. На момент смерти скандальному коррупционеру едва исполнилось 58 лет, скажем прямо, нестарый был ещё мужчина. Думаешь о судьбах таких людей и невольно задаёшься вопросом: на что человек свою жизнь положил? Стоили наворованные деньги убитого здоровья?

⁵ ФБР США в годы Второй Мировой войны осуществляло разведывательные операции в Южной Америке, а также Мексике и Канаде. После создания ЦРУ разведывательные функции у Бюро оказались отобраны, и ведомство Гувера сосредоточилось на контрразведывательной работе.

хозяйство в виде огромной и притом проблемной полицейской службы. Коллинз, видимо, надеялся, что проблема рассосётся сама собой, и ему не придётся прерывать отдых. Мэр заявил, что будет рад видеть на посту руководителя Департамента полиции Лео Лафлина. Тот отказался вторично...

В бесплодных переговорах проходили день за днём, мэр усиленно отдыхать в Италии, Лафлин стойко отказывался, губернатор продолжал умыть руки, а Департамент полиции пребывал в параличе, поскольку в таком крупном правоохранительном подразделении есть серьёзные вопросы, которые может решать только его руководитель. Нет руководителя – нет решения вопросов... Ситуация неопределённости затянулась более чем на 2 недели.

Тут самое время пояснить, что Бостон в то время был очень необычным городом. Тогдашний американский президент Джон Кеннеди (John Fitzgerald Kennedy) родился и вырос в восточном пригороде Бостона, а его дед трижды становился мэром города. Джон МакКормак (John William McCormack), спикер Палаты представителей Конгресса США, также был выходцем из Бостона. С этим городом был связан ряд известных политиков рангом пониже. Хотя по численности населения Бостон в начале 1960-х гг. являлся лишь 13-м городом США, его политический вес был много выше. Неудивительно, что любые сенсации и скандалы, сотрясавшие город, быстро выходили за пределы штата и привлекали всей страны.

Это немаловажное обстоятельство лишь добавляло нервозности всем участникам напряжённой игры вокруг назначения нового шефа BPD. Поскольку Лафлин упорно отказывался принять лестное назначение, его наконец попросили назвать человека, который, по его мнению, смог бы возглавить полицию Бостона. И Лафлин указал на своего подчинённого Эдмунда МакНамару, офицера связи с полицией. Эдмунду предложили должность, и тот согласился. Мэр 5 апреля послал из Италии телеграмму, санкционировавшую назначение МакНамары, и в тот же день Эдмунд подал по команде заявление с просьбой предоставить ему 2-годовой отпуск⁶.

Итак, 5 апреля 1962 г. у бостонской полиции появился новый руководитель. Эдмунд МакНамара был не просто чужим для сотрудников BPD, он являлся выходцем из федеральной службы, прямо враждебной всему полицейскому сообществу Бостона и Массачусетса. На момент описываемых событий Эдмунд уже 17-й год служил в ФБР, организации, к которой правоохранительное сообщество – т.е. полицейские службы и органы прокуратуры – относилось настороженно и не без опаски.

⁶ Предполагалось, что МакНамара будет руководить Департаментом полиции Бостона 2 года, на это время его служба в ФБР приостанавливалась. Впоследствии срок назначения был увеличен до 4 лет.

Эдмунд МакНамара присягает при вступлении в должность Начальника Департамента полиции Бостона. Фотография сделана 6 апреля 1962 г.

Родившийся в апреле 1920 г., Эдмунд МакНамара рос в небольшом городке Клинтон в 60 км западнее Бостона. Там долговязый подросток – а рост Эдмунда к 16 годам достиг 1,88 м – увлёкся игрой в американский футбол и благодаря спортивным успехам сумел поступить в довольно престижный частный колледж «Святого Креста», который закончил в 1943 г. со степенью бакалавра школьной педагогики. МакНамара, однако, учителем не стал – шла Вторая Мировая война, Америка вовсю воевала с Японией на Тихом океане, и Эдмунд был призван на действительную военную службу во флот. Колледж «Святого Креста» был участником программы подготовки военно-морских офицеров, и МакНамара в звании лейтенанта отправился служить шкипером на базовый тральщик. Ему довелось поучаствовать в боевых действиях, он был награжден медалью «Серебряная звезда».

Демобилизовавшись после окончания войны, Эдмунд планировал было продолжить спортивную карьеру и даже провёл успешные переговоры с одной из команд, однако в последний момент переменял планы и американскому футболу предпочёл службу в Федеральном Бюро расследований США. После 14-недельного подготовительного курса Эдмунд был направлен для прохождения службы в подразделение Бюро в г. Цинциннати, штат Огайо. Через год его перевели в столицу страны, а ещё через год последовал перевод в родной Массачусетс, в территориальное подразделение Бюро в Бостоне. Вплоть до конца 1950 г. Эдмунд МакНамара был задействован на одном из самых ответственных участков работы Бюро – борьбе с банковскими ограблениями. Подавляющее большинство банковских учреждений в США не имели пуленепробиваемых стёкол и стен вплоть до середины 1970-х гг., а потому представляли из себя довольно лёгкие цели. Ограбления очень часто заканчивались перестрелками, погонями, ранениями и убийствами людей. В среднем на одно территориальное подразделение ФБР в начале 1950-х гг. приходилось 3 банковских ограбления в неделю, так что ритм работы специальных агентов, занятых борьбой с этим видом преступности, был исключительно напряженным.

В Бостоне Эдмунд МакНамара, сделавшийся к 1950 г. уже старшим специальным агентом, стал участником сенсационного расследования, вошедшего в криминальную историю США (да и всего мира!) под условным названием «Великое ограбление Бринка». Это довольно известная история, в ходе которой преступники сумели унести наличных денег, дорожных чеков, переводов и иных ценных бумаг на общую сумму 2,775 млн.\$.. Хотя «Бринкс инкорпорейтед» («Brink's Incorporated») – это не банк, а транспортная компания, предоставлявшая услуги по инкассации, «Великое ограбление» традиционно считается крупнейшим в истории США банковским ограблением.

Преступление готовилось 2 года, оно было исключительно хитроумно задумано и виртуозно реализовано. В качестве объекта вторжения грабители выбрали здание «Бринкс», расположенное на пересечении Принс-стрит (Prince street) и Коммершал-стрит (Commercial street) в Северном Бостоне. Преступники неоднократно скрытно проникали в здание, сначала снимая замки внутренних дверей для изготовления ключей, а затем также скрытно возвращая их на место. Им удалось раздобыть план электрической системы подачи сигнала тревоги и в нужный момент отключить сигнализацию. Следя за светом в окнах, злоумышленники узнали количество персонала в вечернее время и его распределение в здании. Шесть раз группа преступников в количестве 7 человек скрытно входила внутрь, рассчитывая совершить ограбление, но возвращалась обратно, потому что на их пути возникали либо непредвиденные преграды, либо находившиеся снаружи подельники подавали сигнал тревоги. Наконец, 17 января 1950 г. всё у грабителей сложилось, как они задумывали – им удалось нейтрализовать оказавшихся в здании пятерых работников «Бринк» и помимо денег прихватить с собою 4 пистолета, которыми те были вооружены.

Эдмунд МакНамара принял самое активное участие в расследовании этого преступления. Установление личности грабителей и их розыск изобиловали множеством неожиданных поворотов и оказались чрезвычайно интригующи. История ограбления офиса «Бринк» вообще послужила источником вдохновения для множества художественных и документальных литературных произведений, ему посвящены ТВ-передачи и документальные фильмы. Вряд ли нужно пересказывать нюансы расследования в этом месте, любой заинтересовавшийся может самостоятельно отыскать массу материалов на эту тему, отметим только, что грабителей в конце концов погубили внутренние конфликты и недоверие друг к другу. Отметим и другую важную деталь – уже через полгода со времени ограбления правоохранители Массачусетса связали это ограбление с двумя рецидивистами, его действительно совершившими. Информация пришла от агентуры ФБР, работавшей в преступной среде Бостона, и добыл её Эдмунд МакНамара. Провести арест подозреваемых в тот момент не представилось возможным ввиду отсутствия прямых улик, но эти люди были очень плотно «обложены» агентурой Бюро и, в конечном счёте, состав всей преступной группы, насчитывавшей 11 человек, был установлен.

Нельзя не сказать несколько слов о методах работы, которыми в те годы не брезговало Бюро. Если кто-то подумает, будто ФБР времён Гувера сильно билось за юридическую чистоту и соответствие закону проводимых оперативно-розыскных мероприятий, то сильно ошибётся. Соблюдение закона приносилось в жертву эффективности и целесообразности. Замечательный пример своеобразного понимания сотрудниками Бюро допустимости приёмов оперативной работы можно видеть в расследовании убийства Медгера Эверса, чернокожего активиста движения за гражданские права. Вечером 12 июня 1963 г. Эверс был застрелен на пути домой, агенты ФБР нашли винтовку, из которой был сделан роковой выстрел, а на ней – отпечаток ладони стрелявшего. Случилось это в штате Миссисипи, известном напряженностью межрасового противостояния. Казалось очевидным, что убийца причастен к Ку-Клукс-Клану, однако, никто не знал, к какому именно из его отделений – у этой организации на территории штата имелись десятки ячеек и многие тысячи членов! Агенты ФБР нашли довольно нетривиальный выход из положения: они обратились к некоему грабителю по фамилии Джулио, известному

своими расистскими взглядами и как раз задержанному после очередного преступления, и сделали тому предложение, от которого Джулио не смог отказаться. Сводилось это предложение к следующему: назови нам фамилию стрелка, и мы закроем расследование против тебя. Джулио почесал колтун в голове и понял, что предложение ему нравится. Ну в самом деле, зачем сидеть 20 лет в тюрьме самому, если посадить можно другого, верно?

Джулио согласился помочь Бюро, был выпущен из кутузки и даже получил пистолет для предстоящей работы! Не теряя времени, он отправился к известному ему члену Ку-Клукс-Клана, угрожая оружием, похитил его и вывез в лес. Там грабитель засунул жертве ствол пистолета в рот и пообещал нажать спусковой крючок, если только активист КKK не назовёт убившего Эверса. На своё счастье расист знал убийцу и назвал его – таковым оказался некий Байрон Де Ла Беквит. Папиллярный рисунок его ладони совпал с отпечатком на цевье ружья и дело таким образом оказалось раскрыто. Беквит, правда, был осужден только в 1993 г., т.е. спустя 30 лет со времени описываемых событий, но причудливые зигзаги американского правосудия интересуют нас сейчас мало – речь-то ведётся о незаконных методах оперативно-розыскной работы ФБР начала 1960-х гг. Перед нами пример прямо-таки вопиющего беззакония и безнравственности, практикуемой одной из сильнейших правоохранительных организаций США⁷.

Хотя описанная выше история произошла несколько позже ограбления «Бринка», нет никаких сомнений в том, что мы имеем дело с явлением, характерным для той эпохи. Эдмунд МакНамара в каком-то смысле был её порождением – он знал оперативную работу и хорошо с нею справлялся. Успех расследования ограбления компании «Бринк», достигнутый при его активном участии, предопределил следующий интересный этап его карьеры – в том же 1950 г. его назначили офицером по связи с Департаментом полиции Бостона. Это была очень ответственная и неблагодарная работа, на которой очень сложно заслужить почёт и уважение, но очень легко испортить репутацию и карьеру.

Во всех странах мира отношения между полицейскими органами и спецслужбами, за ними надзирающими, крайне запутаны и полны тайного недоброжелательства. Причём обоюдного и совершенно заслуженного. Сотрудники полиции, работающие, что называется, «на земле», находятся на переднем крае борьбы с преступностью во всех её формах и проявлениях. Они ворошат самое дно преступного мира, имеют дело с самыми гнусными отбросами общества, в их работе много риска, но мало почёта и благодарности современников. Ими недовольны все – как сами преступники, что понятно, так и простые обыватели, журналисты, представители власти. Угодить всем невозможно, можно, конечно, пытаться, но недовольные будут всегда и притом во множестве. Работа полиции на виду, о ней судит всяк кому не лень – от домохозяйки до депутата муниципального совета, адвоката и бездарного писарчука в местной желтушной газетёнке.

С сотрудниками спецслужб ситуация радикально иная. Их работа окружена завесой тайны и очень редко становится достоянием гласности. Все спецслужбы мира не только занимаются охраной гостайны, контрразведкой и секретной связью, но в той или иной степени привлекаются к расследованию уголовных преступлений. Но преступления эти не рядовые, а несущие

⁷ Автора иногда упрекают в том, что он пишет «гадости» и «передёргивает факты», причём, когда Ракитин пишет плохо об НКВД и ГУЛАГе, то меня объявляют «агентом американского Госдепа», а когда критикует американские ФБР или ЦРУ – «пропагандистом Путина». Критикам Ракитина, судя по всему, не знакомо понятия «объективность» и «честность», они не понимают той очевидной истины, что единые критерии нравственности должны быть приложимы к деятельности всех правоохранительных структур, независимо от их государственной принадлежности. Пренебрежение нравственностью лишает правоохранительную работу всякого смысла. Дабы никто не заявил, будто Ракитин, рассказав о расследовании убийства Эверса, «оклеветал ФБР» или «в очередной раз искажил факты», укажу ссылку на американский источник (чего обычно не делаю), чья достоверность не может быть поставлена под сомнение: «Федеральное Бюро расследований. Путеводитель по спецслужбе США», издательство «Астрель», Москва, 2004 г, стр.208—209. Это сборник американских публикаций, переведенных на русский язык.

щие особую угрозу обществу: это крупные злоупотребления в финансовой и экономической сферах, наркоторговля, отмывание капиталов, коррупция во властных структурах и органах защиты правопорядка. Грубо говоря, сотрудники спецслужб могут вести оперативную разработку полицейских, а полицейские заниматься тем же самым в их отношении позволить себе не могут. Нет у них на то властных полномочий.

Это неприятно и очень обидно для самолюбия, но это отнюдь не всё. Территориальные подразделения силовых ведомств работают в одних и тех же городах и кварталах. Очень часто они ведут разработку одних и тех лиц и преступных группировок, пытаются вербовать в осведомители одних и тех же людей и, поскольку вся эта работа ведётся в глубокой тайне, интересы силовых ведомств сталкиваются там, где никто этого не ожидает. Взаимодействие спецслужбы и полиции можно уподобить дружескому толканию локтями в тесном лифте: вроде бы и без особого озлобления, но настырно и без остановки. При этом спецслужба всегда находится в выигрышном положении, что проявляется даже в мелочах, например, в том, что её радиотехническая служба на законных основаниях слушает переговоры полиции, а вот полиция каналы связи спецслужбы прослушивать не может.

При этом отношение к чужой агентуре в обоих ведомствах довольно безразличное. Никто чужого негласного осведомителя особо не бережёт – это расходный материал. Чужой «стукач» – если только это хорошо информированный человек – может ведь «стучать» не только на воротил преступного мира, но и на сотрудников правоохранительных органов! История уголовного сыска знает массу примеров того, как осведомители приносились в жертву правосудию, причём интересы этого правосудия трактовались очень и очень двусмысленно. Можно привести навскидку несколько замечательных примеров, иллюстрирующих эту истину.

Например, жителям России, интересующимся отечественной криминальной историей, хорошо известно дело «расстрелянных валютчиков» Рокотова, Файбышенко и Яковлева. О нём написано довольно много, сняты документальные телефильмы и даже сериал «Фарца». Фабула этого дела довольно известна, однако, мало кто знает, что расстрелянные валютные менялы были отнюдь не рядовыми искателями лёгкой жизни на нетрудовые доходы. Все трое являлись осведомителями московского ОБХСС, причём действовали независимо друг от друга и давали исключительно ценную и взаимодополняющую информацию. Когда в 1960 г. фарцовщиков стали «обкладывать», и начались первые аресты связанных с ними людей, они обоснованно встревожились, «кураторы» из БХСС их успокоили: не беспокойтесь, вы же отрабатываете наши поручения, вас никто не тронет! Ан нет, Комитет госбезопасности тронул и не просто послал «зону» топтать, а отправил в расстрельный каземат.

Похожая история приключилась и в США, в штате Иллинойс в 1987 г. Тогда служба шерифа округа Эдгар сфабриковало дело, обвинив в двойном убийстве осведомителей ФБР Рэнди Стрейдта (Randy Streidt) и Герберта Витлока (Herbert Whitlock). Оба давали ценную информацию Бюро о коррупции в о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.